

Александр Плетнев

АДМИРАЛЫ АРКТИКИ

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Военная фантастика (АСТ)

Александр Плетнёв
Адмиралы Арктики

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Плетнёв А. В.

Адмиралы Арктики / А. В. Плетнёв — «АСТ», 2018 — (Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-111124-3

Арктика. Безлюдная снежная пустыня, где время заледенело между «вчера» и «сегодня», посреди «давно» и «ныне». Где пропадали корабли и целые экспедиции, где и поныне можно ждать чего угодно, когда необъяснимая аномалия вдруг выбрасывает современное российское судно ледового класса из этого самого «сегодня» во «вчера». Во «вчера», где за бортом... на дворе 1904 год со всеми историческими реалиями: Российская империя, Русско-японская война, Николай II, адмирал Рожественский....

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-111124-3

© Плетнёв А. В., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

Пролог	6
Белым ляжет невинность снега...	7
Через край непокорной рекою	9
Белым ляжет вечность – время...	15
Только скрытая тайна всё тело наполнит...	16
Несколько дней назад или на сто лет вперёд	20
Спустя – неторопливой стрелкой на часах	31
Не подслушанный разговор	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Александр Владимирович Плетнев

Адмиралы Арктики

© Александр Плетнев, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Пролог

Вереница саней, запряжённых в собачьи упряжки, мчала, скользя, стелясь по снегу почти с природной гармонией. Гоняемые длинными шестами и покрикиваниями каюров-поморов, саамские лайки тянули со всех своих собачьих сил, на ходу наклоня морды, щёлкая зубами, заглатывая в пересохшие глотки снег.

Ледяная пустыня источала серый туман, стелящийся густыми лоскутами, и, озираясь, Ивор по прозвищу Свен (за свои шведские корни) угадывал в прорехах этой пелены едва видимые серебристо-тёмные тени.

Погоня была уже совсем близко, рыча по-звериному, по-волчьи. Воображение рисовало ему именно волков, не белого медведя – хозяина здешних мест, не рысь, не росомаху, охотящуюся там, в тайге на далёком берегу, а стаю волков.

Это порывание было чем-то похоже на механическое, но Свен и слова-то такого не знал, а потому окрестил так, как ему слышалось и виделось. Такова человеческая натура всему давать своё название, заворачивая в обёртку понятного, тем самым изгоняя страх неведомого.

И он почти угадал... человек, возглавлявший догоняющий отряд, носил именно это прозвище, по своей фамилии – Вóлков.

Собакам в упряжке передавался страх возницы и пассажиров. Псы поскуливали, подвывая, слыша сзади непонятный и от того ещё более пугающий рык. Иногда попадая лапой на острый настил, жалобно таякали, шумно дыша от бешеного темпа, всё ещё сохраняя силу.

Часть «волков-преследователей» стала обходить слева. Рычание изменилось, наполнившись рваными ритмами, словно в предвкушении добычи: «Ры-ры-к-ма-у-у! Ры-ы! Ры-ры-ры!»

Два иноземца-пассажира за возницей что-то выкрикивали через вой ветра на своём языке, ещё бодрились, клацая затворами винтовок, но помор уже понимал – не уйти.

Бах! Бах! Пассажиры не выдержали, стали стрелять, и тотчас в ответ донеслось, растекаясь в густом тумане частыми хлопками. И тут же просвистели пули, как зудящие москиты – над самым ухом. Но сзади – выкрик... и Свен почувствовал, как облегчились сани, всхлипнуло резким запахом крови в ледяном дыхании снежной пустыни.

Гнать прямо собак было бессмысленно – тот, кто обошёл слева, уже забежал вперёд, охватывая.

Свен увидел, как впереди идущие сани повернули вправо. И он следом повторил их движение в поворот, всё ещё пытаясь оторваться от погони.

В спину остервенело впилось смертельное жало, выбив дух, толкнув погонщика вперёд, на сани.

Собаки, почувствовав слабинку, замедлили бег и в конце концов остановились.

Сознание балансировало на грани, то уходя, то возвращаясь, тупой ноющей болью скользя хребет. Через время придя в себя, помор мутным взглядом увидел склонившегося над ним человека в белой с пятнами одежде, в облегающих, закрывающих пол-лица очках с желтоватыми стёклами.

Человек встретился с ним взглядом, говоря что-то непонятное, словно не ему, а куда-то вдалёк на почти знакомом:

– Порядок, «Углич». Зачистка.

Сознание Свена медленно уходило из раны в спине вместе с кровью и теплом тела.

Белым ляжет невинность снега...

*Белым ляжет невинность снега.
Рисовать я её не берусь
Лишь пою, лишь пою свою грусть.
Будут дети, как прежде, бегать.*

Получив начало с 1584 года, в большинстве построенный на приболоченной местности по обоим берегам Северной Двины, окружённой хвойными массивами, Архангельск возводился именно этим самым доступным материалом – строительным лесом.

И даже в середине двадцатого столетия на окраинах города можно встретить дощатые тротуары и следы-остатки некогда проложенных деревянных дорог.

Не говоря о порой неплохо сохранившихся домах из бруса, обшитых потемневшей доской, стоящих нижними венцами на медленно подгнивающих сваях (не на фундаменте). Многие из этих упрямых и прочных реликвий дожили до времён асфальта и «внутреннего стора-ния», чувствительно покачиваясь от проезжающих мимо тяжёлых грузовиков.

Однако вернёмся немного назад – к началу двадцатого века, когда ещё полновластно двигал «пар». Впрочем, и от паруса массово ещё не отказались.

Архангельская губерния – северный «фасад» империи, раскинувшийся от Финляндии до Урала, соприкасающийся с холодными водами Ледовитого океана, суровая правда жизни окраины, более полугода заснеженной, прихваченной льдами.

Потеряв своё значение как город-порт после основания Санкт-Петербурга, Архангельск только к девятисотым годам второго тысячелетия от Р. Х., с развитием торгового мореплавания, дотянувшейся (наконец) узкоколейной железной дороги, прокладкой телеграфной связи, получил новый импульс к развитию порта, как и всей губернии.

Летом с открытием навигации Северная Двина несёт мимо Архангельска мутные жёлтые воды, давая выход к просторам океана с рыболовным и зверобойным промыслом, к торговым морским путям и европейским странам.

Зима же – долгая, и ледостав, длящийся 180–190 дней, почти до конца мая, сковывает берега не только Двины, но и Белого моря, закупоривая морскую дорогу к архангельским причалам и от...

С приходом зимы пикантный привкус портового города с прямыми новостями из Европы, веяниями и модами, замечливается, замораживается... жизнь замирает. Северный край словно впадает в спячку, снова становясь захолустьем империи.

И если посмотреть с высоты полёта, то огромная территория превращалась в сплошное белое заснеженное поле. Тракты и гужевые дороги к поселениям и местечкам засыпает, обновляет чистым снегом. В архангельские гавани на зимний прикол обустраиваются суда.

Дошедшая от Вологды к левому берегу Северной Двины железнодорожная ветка, как это у нас водится по вечной необустроенности, регулярно требовала ремонта и восстановления. После размыва грунтовыми водами, оползней и прочих каверз природы, и дураков. Поэтому курьерская почта хоть и претендовала на регулярность, доходила с запозданием.

Тем не менее единственный на то время незамерзающий порт русского севера – Александровск¹ (в будущем г. Полярный) был включён в линии губернской телеграфной связи и дальше... И дальше по сети «Архангельск – Санкт-Петербург», проложенной вдоль почтового тракта, пусть окольным путём, но вполне надёжно, молодой город губернии Александровск привязывался к Центральной России.

Ещё в незамерзающих заливах и бухтах Мурман² существовали становища поселенцев и рыбных промысловиков, а на восточной стороне Мурманского берега были основаны спасательные станции, к которым в том числе протянуты ветки промыслового телеграфа.

Не сказать, чтобы Архангельск зимы-весны 1904 года был совсем уж «сонным царством». Всё-таки на другом краю империи шла война с Японией, что как минимум не могло остаться без внимания. Более того – волновало! Кого-то и лично – по сухим данным статистики, более четырёх тысяч уроженцев Архангельской губернии были призваны и отправлены на Дальний Восток.

Однако новость пришла в тихий Архангельск совсем с другой стороны. С моря.

О нет! Вести с моря приходили частенько, вплоть до эпохальных!

Тогда, когда были связаны с героическими экспедициями к полюсу...

Смелыми первооткрывателями...

Пропавшими полярниками...

Спасёнными из ледяного плена (часто через год-два) зимовщиками...

И трагическими смертями.

Нынешняя же сенсация всколыхнула и взбудоражила своей фантастичностью, буквально на грани неверия, если бы не нашлись свидетельства от разных источников: наскоро сделанные одним любителем рисунки (которым почему-то особо поверили) и даже реальное фото.

Фото-позитивы, правда, дошли до Архангельска чуть позже, как и позже закрутились все шестерёнки этой истории.

¹ Романов-на-Мурмане (в будущем Мурманск) будет заложен только в 1916 году.

² Мурман – так назывался мурманский берег, приморский берег Баренцева моря от Норвегии до мыса Святой Нос.

Через край непокорной рекою

*Только скрытая тайна всё тело наполнит
Через край непокорной рекою.
Может, в детстве так было, вот только
не помню.
Промолчу, промолчу – успокою.*

Когда кольский³ уездный исправник телеграфировал в Александровск, что около берегов Мурмана замечены иностранные траулеры, под парами в Екатерининской гавани стоял только пароход «Лейтенант Скуратов». Или как тогда было принято орфографией – «Лейтенантъ Скуратовъ».

Получив с посыльным от начальника пограничной стражи предписание выйти в море, командир «Скуратова» немедленно отдал соответствующие распоряжения.

Вообще-то для такого дела лучше бы подошли более скоростные боты-крейсера... «Скуратов» же, винтовая шхуна английской постройки, бывшее посыльное судно «Бакан», имел один существенный недостаток – малый, всего девятиузловый ход.

Ранее, пребывая в роли «охранного крейсера», обладая четырьмя орудиями, «Бакан» зачастую просто отпугивал браконьеров только появлением своего силуэта на горизонте – норвежцы быстро поднимали пары и нередко легко уходили от преследования.

В дальнейшем шхуну разоружили, исключили из списка судов, затем переименовали в блокшив № 5, намереваясь переделать в плавучую мастерскую для нужд дирекции. Однако после проведения капитального ремонта перекалифицировали в транспорт, вновь включив в список как пароход «Лейтенант Скуратов».

Правда, установленные в ходе ремонта новые котлы Балтийского судостроительного завода прыти пароходу не добавили.

Командовал «Скуратовым» Престин Константин Иванович. Будучи простого, не дворянского рода, закончив штурманское отделение Технического училища Морского ведомства, Константин Иванович сумел дослужиться до штабс-капитанского чина Корпуса флотских штурманов. Вторым старшим офицером на судне был мичман «из отставки».

Прохлюпав в указанный район, разглядев в бинокль нарушителей, Престин удостоверился, что траулеры на проверку оказались одной средненькой паровой шхуной и двумя ботами под норвежскими флагами. Достаточно плюгавыми, что не мешало им нагло заниматься промыслом трески в российских водах.

Русского тихохода, видимо, тоже опознали и, не дожидаясь близкого контакта, бросились наутёк.

Два бота, наваливая из длинных труб густо и чёрно, весьма резво бодали волну с ясной целью уйти к своим берегам, тогда как не менее чадаящая шхуна совершенно неожиданно отвернула на норд-ост.

³ Кольский полуостров (устаревшее название Мурман, Кола) – полуостров на северо-западе Европейской части России. В 1899 году Кольский уезд переименовали в Александровский, но жители по привычке продолжали поминать прежнее название.

Константин Иванович честно посомневался – «парочка», на его взгляд, была перегружена уловом. Подрезая курс, боты с трудом, но можно было бы догнать. С другой стороны, отвернувший «одиночка» едва ли давал семь узлов.

Решив не усложнять, русский капитан погнался за более доступной целью.

Но как оказалось, норвежцы его провели!

Дождавшись, когда подельники уйдут на безопасное расстояние и погоня за ними будет уже немыслима, «норвежец» прибавил, став постепенно отрываться от преследователя.

Какое-то время думали загнать браконьера в ловушку, прижав к дрейфующему ледяному полю, до которого, правда, было несколько миль. Но капитан шхуны, видимо, тоже был в курсе ледовой обстановки и стал отворачивать на восток.

Гонка на девяти узлах продолжалась ещё несколько часов, всё дальше уходя в зелёные волны северного Баренца. А потом капитан «Скуратова» понял её бесперспективность и дал отмашку поворачивать домой. К тому же над водой стал стелиться туман, и браконьерская шхуна совсем потерялась из виду.

Взглянув на хронометр, прислушавшись к мерному стуку машины, Престин прикинул, сколько им ещё идти обратно до Александровска – всё одно особо спешить некуда. И, приказав сбавить ход до шести узлов, разочарованно ушёл к себе в каюту.

А уже через три часа его вызвал возбуждённый помощник. Когда он поднимался по трапу на палубу, ему в глаза сразу бросилось то, из-за чего случился переполох...

Со стороны норда, практически там, куда умотала шхуна-браконьер и где раскинулись сплошные ледяные поля, медленным белым светом наливался горизонт, поднимаясь выше к небу. Это не было похоже на вспышку, на мерцание северного сияния – а именно медленное заволакивание серой хмари и тумана наползающим белым светом.

А ещё накатил на голову зудящий звон, как в ушах бывает... да быстро вышел весь.

– Вы когда-нибудь нечто подобное видели, Константин Иванович? – завороченно глядя за корму, вымолвил помощник.

Капитан не ответил, подсознательно подмечая, как стих ветер, перестав посвистывать в такелаже, и все звуки стали словно глухими, исказив голос мичмана. На поверхность воды упал полный, совершенно неестественный штиль.

– Велите переключать руль, – приказал он мичману, – надобно взглянуть поближе на это.

Выписав принуждённую циркуляцию, лохмато задымив из трубы, «Лейтенант Скуратов» поспешил на разведку.

Через час странный белый свет стал рассеиваться, поддёрнуло выше и серую дымку, оголяя ширину горизонта. По-прежнему подозрительно штилило.

«Норвежца» обнаружили на румб левее, чем ожидалось. Шхуна, едва курая дымком из трубы, судя по всему, наворачивала неуправляемые круги – её чёрная метка на поверхности воды то становилась совсем маленькой, то расплывалась в профиль.

Уже подходили ближе. В бинокль подтверждалось – «норвежец» будто потерял управление и никак не реагировал на русское сторожевое судно.

Слышали уже почухивание его машины, на палубе – ни движения. И только когда обшарпанный борт и надпись названия, которую прочитали как «Витбёрн» (Белый медведь) стали различаться невооружённым взглядом, на шхуне словно проснулись – на палубе появилась пошатающаяся одинокая фигура в шапке-малахае⁴.

⁴ Малахай шьётся как обычная шапка-ушанка – верх из меха, внутренние части из кожи и замши.

Мичман дёрнул свисток, и «Лейтенант Скуратов» взвыл сиреной – требование остановиться. На мачте затрепыхались сигнальные флажки, с тем же приказом.

Поравнялись бортами с браконьером. В нос ударил смешанный запах рыбы и ворвани, наверное, пропитавший старую шхуну до самых «косточек».

Взяв рупор, Престин на ломаном норвежском прокричал:

– Требую остановиться.

Ноль внимания – кряжистый рыжебородый норвежец лишь поднял багровое, обветренное лицо и снова опустил, шаря рассеянным взглядом по палубе своего судна.

– Вы говорите по-русски? – снова в упор в рупор.

Норвежец что-то бормочет в ответ, поднимая тяжёлый взгляд, отрицательно покачивая головой – доносится:

– Нау!

– Застопорите ход! – Престин настырно пробует немецкий и английский языки: – Кэптен «Витбёрн», стоп машин!

Норвежец мечет угрюмые взгляды, пытается раскуриться – не получается. Засунув обратно кисет и трубку, он, наконец, грузно спускается вниз.

Спустя минуту мотор браконьера прекратил постукивание, и шхуна легла в дрейф.

Полный штиль позволял притереться бортами и перепрыгнуть на «иностранца». Что и проделала часть русской команды во главе с командиром.

Картина, что открылась им за фальшбортом шхуны, производила впечатление: норвежские матросы – как на подбор плечистые парни, привалившись кто куда, будто контуженные лупали глазами, открывая рты, мыча что-то нечленораздельное.

Стуча деревянными подошвами грубых сапог, из трюма появляется рыжебородый, успев, видимо, побывать в своей каюте – сменил шапку на старую, потрёпанную капитанскую фуражку. Теперь видно, что это немолодой мужчина, а его рыжая борода скорее вся седая. Взгляд шкипера прыгает, меняясь от злого (на русских) до растерянного (на своих матросов).

– Что произошло? – спрашивает Престин.

– Белый свет, – хрипит шкипер, – а потом корабль – чёрно-красный демон Валгаллы с зубатой пастью. Огромный корабль!

Видно, что команда шхуны медленно приходит в себя – кто-то даже привстал, опираясь на заляпанные салом вонючие бочки.

Шкипер немного успокаивается, облегчённо вздыхая. Снова достаёт свой кисет, не торопясь набивает трубку. Весь его вид говорит: «Чёрт вас, русских, принёс!».

На вопросы он отвечает неохотно, упомянув Сваальбард (видимо, порт приписки). А на произошедшее с ними опять заладил про «большого красного демона», прибавив «рошен шиф» (русский корабль), и махнул рукой на норд, дескать «туда ушёл».

Престин на «рошен шиф» внимания не обратил, став высматривать в бинокль горизонт на севере, и неожиданно заметил чёрную точку с признаками красного цвета, удивившись вслух:

– А ведь этот старый норвежский медведь не врёт! – И подумал: «Конечно, на воде зрительно расстояние обманчиво, но каким бы ни показался огромным этот загадочный корабль норвежскому шкиперу, его очертания весьма хорошо просматриваются. Возможно, не так уж он и далеко. Попробовать нагнать? Тем более там уже скоро граница ледяного поля. Куда он денется?»

Престин ещё сомневался, когда вернулась досмотровая команда, доложив, что рыбы в трюме совсем мало.

Возиться с браконьером не имело смысла, а некая загадка – вон она! Совсем близко!

Не став выполнять даже минимальных формальностей, русские моряки перемахнули на борт своего судна.

Раскочегарив 800-сильную паровую машину, «Лейтенант Скуратов» быстро набрал фактические девять узлов.

Но быстро не получалось. Вожденная «красная тряпка» вроде бы как и не уменьшалась в приблизительных размерах, но и не приближалась, маяча на горизонте, к которому масштабно добавился новый пейзаж – сначала тёмная, а потом побелевшая полоска ледовой границы.

На пути «Скуратова» всё чаще стали появляться ледяные обломки и целые мини-айсберги. Приходилось лавировать, а к привычным звукам шелеста волн и пыхтения паровой машины добавлялись глухие стуки о борт докучливого мелкого крошева.

Престин поглядывал на хронометр, на небо и снова брался за бинокль, выискивая цель.

Май – начало полярного дня. Солнце раздумывало у горизонта, в серой пелене неба, совсем потускнев. Время вторило вращению планеты лишь циферблатом и стрелками. Красный «летучий голландец» безмерно удивлял – уже шёл в белом заснеженном поле. Эдакое красное на белом. Палубу качало, и изображение, проходя через объективы, призмы и окуляры, прыгало, размазываясь багровыми мазками.

Если присмотреться, угадывалась сизая дорожка взломанного льда.

Старший помощник, порой баловавшийся живописью, делал размашистые наброски цветными карандашами на чистом листе, хватаясь для уточнения за бинокль.

– Ледокол! – догадавшись, выдохнул мичман и удивлённо взглянул на капитана. – Это ж сколько он выжимает? А ведь там дальше не пара футов, там все шесть! Там толщина льда ого-го-го!

«Силище! – не вслух согласился Константин Иванович, подкручивая ролик своего бинокля в настройке резкости. И всё равно ничего, кроме угловато-коробчатой надстройки красного цвета с венчиком узкой высокой чёрной трубы, рассмотреть не удавалось. – Вид строго с кормы. Но не дымит! На нефти? Кто сейчас может строить такое? Наверняка наши законодатели во флоте – британцы. Но могут и немцы... и даже датчане! Сей факт следует срочно донести до начальства и военного ведомства».

Дымка на горизонте совсем уж уплотнилась, либо солнце, наконец, ушло за край, уступив немного ночи. Вскоре стало понятно – идти при такой видимости во льдах и айсбергах опасно.

Цель ближе не стала, и надо возвращаться.

«И надо доложиться, – ещё раз для себя утвердился Престин, – и вообще... это требует определённого догляду и дознания».

* * *

Но первыми весть о странном корабле, как и о необычном явлении «белого свечения», принесли промысловики одного из крестьянских судохозяйств на побережье Мурмана, что ближе к Белому морю, у залива Святого Носа.

Набив треской трюмы, в своё становище рыбаки обернулись быстрее, нежели ещё кто-то из промышлявших поблизости. По губернской программе посёлок был обустроен промысловым телеграфом, и перепуганные колонисты не преминули (со всем почтением) сообщить о «бесовщине» уездному исправнику.

Посумлевавшись немного, тот о происшествии доложил наверх.

Далее подогрели новость поморы, две парусные шняки которых забрели в Екатерининскую гавань.

Быстро избавившись от улова, суровые обветренные старожилы поначалу были сдержанно хмуры, описывая «красный призрак», но как все коренные жители Севера, имевшие слабость к крепким напитками, оседлали припортовое питейное заведение и, медленно набираясь, раз за разом пересказывали всем желающим, не отказывая себе в приукрашивании.

Так что почва была подготовлена! И когда «Лейтенант Скуратов» вернулся в Александровск, слухи уже гуляли, расплываясь мгновенно, как водится, обрастая новыми подробностями от пересказа к пересказу.

Начали судачить не только в порту – матросы, рыбаки и остальная припортовая братия. Тема была самая обсуждаемая, как на рынках у черни, среди у купцов и разночинцев, так и у местной знати.

Любительские зарисовки мичмана подхватили писак из «Губернских новостей», состряпав чуть ли не на второй странице статейку – нечто конспирологическое, вообще найдя в «красном на белом» японский след. А на возражение скептиков «как загадочный корабль могли видеть одновременно в разных местах», тиснули вполне научную гипотезу некоего «учёного инженера из столиц» об «атмосферных линзах, рефракции и миражах».

Читатели, надо сказать, не поняли, но приняли на веру.

Заскучавший за зиму Архангельск жадно впитал и подхватил эту маленькую сенсацию, причмокивая за чаями-кофеями вполне уважаемыми и серьёзными гражданами.

Архангельский губернатор Николай Георгиевич Бюнтинг, само собой, чисто по-человечески тоже интересовался... скажем, не без снисходительности и иронии, так как, имея немецкие корни, был человеком прагматичным, здравомыслящим, не допускавшим всякие фантазии и прочий спиритизм. Ко всему, недавно вступив в должность, не совсем проникся местными реалиями. Да и статус не позволял принимать сплетни и домыслы.

Но когда объявился свидетель, состоящий на службе у государства, то бишь лицо «в ранге», Николай Георгиевич с чувством удовлетворения дал ход своему начальственному любопытству. Более того, потребовал к себе практически единственного официального очевидца.

И получилось на удивление быстро (у Престина) – и в Архангельск съездить, и обратно.

А поскольку губернатор в докладе командира «Лейтенанта Скуратова» увидел трезвый и взвешенный взгляд на произошедшее (без всяких там глупых умозаключений, «но факт остаётся фактом»), то, посоветовавшись с морскими чинами, решили организовать патрулирование и дозор силами охранных судов, для прояснения необъяснимого случая.

Какое судно получит это задание, сомнений ни у кого не возникло. Так как было видно, что начавшийся весенний лов трески потребует усиленного присутствия скоростных ботов-крейсеров в противодействии норвежским браконьерам, а тихоход «Скуратов» самое оно!

– Что ж, голубчик... – Николай Георгиевич Бюнтинг, признаться себе, не знал, как лучше обращаться к капитану Престину.

«Люди те же, чины и звания такие же, – мелькнуло в любопытных глазах нового губернатора, – но тут, на севере, все разговаривают и относятся друг к другу немного иначе. Что вроде бы проявляется неуловимо, но заметно, если глядеть сторонним взглядом».

– Так что, Константин Иванович, как говорится – чья инициатива, тому и выполнять, – Бюнтинг слегка развёл руками. – На мой взгляд – сухопутного и невоенного человека, совершеннейшая полумера, но в ваших северных... полярных условиях я совершенно несведущ. Да и повода пока горячиться не нахожу, несмотря на усилия газетчиков раздуть «японскую» панику. Однако коль изыщите нечто любопытное, всенепременно извещайте меня, в любое время дня и ночи-с.

Вот и получилось (повторяясь) – быстро, несмотря на встречи-чаепития, прощания, напутствия-инструкции, вёрсты санного пути....

И судно, по прибытии в Александровск, к новой вылазке по велению губернатора, стараниями портового начальства, старпома и команды было исправно и готово.

Задачу «Скуратову» с экипажем поставили бесхитростную и не сложную, не включающую в себя преследование по льду, либо по воде – просто подойти к границе ледового поля и курсировать в дозоре. Вдруг вернётся...

Престин не стал высказывать сомнения, что неизвестный корабль может и вовсе не возвращаться. Или вообще уйдёт другим маршрутом, учитывая, с какой лёгкостью он взламывал ледяное поле.

Ответил по-военному «есть» и откланялся.

Что ещё можно сказать? Откуда появились фотоснимки, так и не выяснили (никто и не пытался). Хотя чего уж там – пара «норвежцев» и один «англичанин» в Екатерининскую гавань заходили, пока суть да дело. И где бродяжничали, чего видели – они не особо распространялись. Стало быть, кто-то из них.

Белым ляжет вечность – время...

*...и дорога! Фата⁵
Снегом белым всё укрыла
И несет, словно на крыльях,
Куда-то...*

«И вот же чертовщина какая, – мелькает запоздалая мысль, – мы только на третьи сутки, после того как облазили Землю Александры⁶ и ближайшие острова, примерно сообразили – куда, а верней, “в когда” нас занесло!»

Пусть это и было самое простое решение, но в той ситуации вполне в логике – пошли утверждённым маршрутом, взламывая лёд... и мозг: что же с нами всё-таки произошло?!

Кто-то потирал ушибленные углы человеческого тела, кто-то затылки – всё с тем же вопросом: «Что за фигня?!», поминая «белый свет в глаза», перед тем как потерял сознание...

– Всё вокруг стало ну точно как кинолента засвечивающаяся, и-и-и... бац! – взъерошенно прокомментировал главмех. Сам он любитель-кинооператор ещё с лохматых времён, вот у него и возникли первые ассоциации.

Это было самое точное описание последнего, что успели выхватить многие перед отключкой.

⁵ Имеется в виду фата-моргана. Фея Моргана (Fata Morgana, *итал.*) – оптическое явление в атмосфере. Мираж, способный двигаться, менять угол своего преломления, удваиваться.

⁶ Земля Александры – остров в архипелаге Земля Франца-Иосифа.

Только скрытая тайна всё тело наполнит...

Иногда ветер с севера подхватывал повышенную влажность, тянул сыростью, и шхуна покрывалась белым пушком изморози. Дым из трубы, смешанный с паром, оседал на полуюте, такелаже грот-мачты грязными сосульками, которые при волнении бились друг о друга мелодичным звоном. Боцман периодически гонял матросов счищать лишние наросты.

Несмотря на упрямый «норд», нахлёстывающий встречной волной в левую скулу, «Скуратов» уверенно держал девять узлов.

Волнение было небольшим – 4–5 баллов, но иногда нос судна слегка вздрагивал, сорокаметровая шхуна плавно перекачивалась на длинной волне. И если прислушиваться к работе машины, казалось, что в такие моменты она меняла тональность – перестук слегка учащался, затем растягивался, и опять...

– Будь мы на ровной воде, я бы не удивился, если наш старичок выдал бы свои паспортные, как на мерной мили верфи «Братьев Самуда»⁷, – прячась от пронизывающего ветра, мичман тем не менее излучал удовольствие. – Что скажете, Константин Иванович?

– А с чего вдруг такая ходкость?

– Уголёк-с! Старший механик говорит, хороший нам уголёк-с загрузили давеча в порту.

По прошествии вторых суток ход пришлось сбавить – подвывающий норд гнал отколовшиеся от ледяного массива сначала мелкие айсберги, затем стали попадаться более крупные экземпляры. Их удачно обходили стороной, но получив пару раз от этих ледяных обломков основательный «бумс» в железные обводы корпуса, Престин приказал перейти на «средний».

Ходовая рубка не особо возвышалась над шкафутом, поэтому при опасном маневрировании необходимо было выходить на открытый мостик... основательно утеплившись, естественно.

Долго вахтенных сигнальщиков на холоде не держали, регулярно загоняя в тёплое, отогреться и попить горячего чая.

Мичман, постоянно отслеживающий горизонт, вскоре доложил, что уже видит в бинокль ледовое поле, однако оказалось, что это здоровенный кусок, дрейфующий отдельно. Его обогнули и только тогда по курсу разглядели сизо-белое разрозненное скопление, раскинувшееся по горизонту, теряющееся вдаль.

– А ведь пока мы ходили туда-сюда, льды неслабо спустились к югу, – Престин лично поколдовал со счислением, бормоча: – Ну-с! На какой мы широте? 76°15' примерно. Солнце ещё низенько. После обеда устанавливаю точней.

Спустя пару часов переложили рули вправо, следуя вдоль ледяного массива. Углубляться северней командир посчитал нецелесообразным – край поля дробился, приходилось лавировать между льдинами, стараясь огибать опасные участки с крупным крошевом, дабы не повредить винты. Ход держали 3–4 узла.

Сигнальная вахта теперь наблюдала и по ходу движения и по левому борту, выискивая загадочный корабль.

При взгляде на ледяной хаос, простирающийся безграничной белой пустыней, затея отыскать тут кого-то теперь казалась абсурдной и даже глупой, порождая в голове ворчливое недовольство.

Какое же было удивление, когда один из сигнальщиков заорал:

– Вижу!

⁷ Парусно-винтовая шхуна «Бакан» была построена на английской верфи *Samuda Brothers*.

* * *

– Красная у него только надстройка, – не скрывая волнения, комментировал старший помощник, – такая... коробчатая и широкая, как под каюты. Похоже на большой пассажирский океанский пароход. Но... ледокол.

– Обводы корпуса чёрные, – добавил Престин в свою очередь, не отрываясь от бинокля.

– Повернём к нему навстречу?

– По-моему, он сам идёт на нас. И весьма быстро. Можно вообще лечь в дрейф, поджидая.

Расстояние сокращалось. Ледокол повернул точно на «Скуратова» и стал наблюдаться только с носовой проекции.

Было в этом что-то такое... вынуждающее подпитывать увиденное доводами разума, при оценке примерной толщины льда, размера судна, его скорости и всех странностей, включая отсутствие признаков работы паровых машин – дыма.

Казалось, что он просто скользит по поверхности, не имея осадки, водоизмещения, если бы...

Если бы в его носу словно бурун не вздыбливался лёд, ломаясь, выплёвывая брызги и...

Престин не мог понять, что это: «Как будто парит или снежная пыль... кипит она под ним, что ли? И что там такое краснеет?»

– Господи! – дрогнул голосом мичман. – Это вижу только я?

Теперь и Престин рассмотрел на чёрном фоне носового обвода корабля красную пасть, окаймлённую белыми зубами. Зловещую.

«А вдруг это действительно “японец”? А вдруг?» – побежало холодком по спине.

Пальцы, сжимающие бинокль, заостенели на морозе, несмотря на далеко не пижонские перчатки. Константин Иванович поднял взор чуть выше, где чернели, и уже явно видно – не трубы, а толстые странной конфигурации мачты.

– Вы бы спустились вниз, отогрелись, Константин Иванович, – побеспокоился помощник, – я за ним присмотрю. Никуда он от нас не денется.

– Это такая махина. Как бы нам самим деваться не пришлось, – тревожно проворчал в ответ Престин. Тем не менее последовал совету – холод уже пробирал до костей.

* * *

Выйдя из сплошных льдов, «красный ледокол» против ожидания не пошёл напрямую через отколовшиеся участки, а избирательно огибал по открытой воде, подставляя свой полный профиль под жадные взгляды-окуляры с мостика «Скуратова».

Всё больше деталей любопытного судна удавалось рассмотреть в бинокль.

Первое, что бросилось в глаза – по чёрному борту, хоть и тронутому белой наморозью, вполне читаемые белые буквы: «РОСАТОМФЛОТ».

Сразу возникли вопросы: «На аглицком, расейском? А где же “ерь”? Что за нескладица?»

Потом распознали принадлежность судна. За высоким гротом торчал короткий огрызок решетчатой мачты, вот на нём и трепыхался...

«Будем считать его флагом. – К своему стыду, Константин Иванович испытал облегчение, опознав его как флаг Североамериканских Штатов – всё-таки «японцев» он со счетов не сбрасывал. – И бог ты мой! Недооценили размеры корабля. Он же огромен!»

– Да в нём тонн поболее, чем в броненосце будет, – вторил его мыслям мичман, – это его надстройка... она издалика вносит путаницу в представление о пропорциях. Но чем ближе, тем всё болеше поразительней!

Дальше офицеры перебрасывались короткими репликами, озвучивая свои соображения по конструктивным особенностям незнакомца – узнавая, предполагая и полностью не понимая предназначения некоторых.

– Орудий не вижу. Это не промысловое судно, не китобой, но смотрите, какие у него мощные стрелы кранов! Мачты металлические с марсовыми площадками... и такие вычурные антенны беспроводного телеграфа. Какой-то белый купол, прожекторы... – чистил старпом, совершенно не обращая внимания, слышит ли его капитан или нет. – А вон непонятная штука оранжевая с синим на юте. Балка торчит, сверху – как усы или растяжки такие?.. Для каких целей? Неужели американцы отстроили это всё для исследований полюса? С таким задёлом они побьют все рекорды.

Престин молчал. Неожиданно он понял, что этот «красный гигант» словно не от мира сего. Почему? А вот ощущение! Но и не только. Детали, узлы, исполнение, функциональная завершенность...

А ещё было в нём нечто такое... что стоит только прикрыть, даже представить, что прикрываешь глаза, и... призрак!

«Этот корабль как призрак! Не бывает таких, не может быть! Кто сейчас такое в силах построить? Чья школа?»

Он видел «Ермак» английской верфи по российским чертежам, считая, что это передовая, лучшая техника ледовой проходки.

«А этот многотонник, судя по носовому обводу (да и кормовой оконечности), строился именно как ледопроходный корабль. Серьёзный корабль. Есть толстосумы, вкладывающие в исследования Арктики. В том числе и американские миллионеры. Есть у янки свои ледокольные паромы для Великих озёр, но во сколько обойдётся вот этот фантастический монстр? Это просто какой-то “жюль верн наutilus” в надводном исполнении!»

Престин слегка отвлёкся на своего старшего помощника, который продолжал восторженно комментировать, предполагать и даже придирается к каким-то техническим деталям, подмеченным на палубе и надстройках чужака.

«Неужели он не видит, не понимает, что от этого судна исходит нечто пугающее, чего не бывает или не может быть. И пугает он не пастью нарисованной и не огромностью своей... Кажется, что эта махина несёт в себе то, чего так всегда боялся и к чему всегда так тянулся человек – необъяснимое, непонятное, новое, неведомое... С ума сойти. Ещё не хватало перекреститься с придыханием: “Нечистая”! Что это на меня нашло?»

Будучи человеком дотошным, любившим разложить всё по полочкам, Константин Иванович Престин и не подозревал, что столкнулся с психологическим противоречием, название которому придумают через столетия – футушок. Несоответствием его представлений о технических вершинах современного кораблестроения с тем, что он сейчас видит.

А два судна неумолимо сближались. Бинобль позволял уже видеть даже, как говорится, заклёпки, которых, кстати, на чужаке не наблюдалось. Совсем.

– Куча всяких антенн, штырьков по верху всей надстройки, – шевелил губами Престин. – «Ямал» кириллицей (странно) и вот там по-иностранному. На возвышении юта – это однозначно машина, судя по окошкам. Или иллюминаторам. Подводный аппарат? Не похоже. Слишком тонкие детали, и стоит сей агрегатус на колёсиках⁸.

⁸ *Aggregatus* (лат.) – соединённый, собранный. Агрегат.

Ледокол обогнул очередной айсберг и снова правил на «Скуратова» своим оскалившимся в носу «эх, проглочу». Тем не менее на встречных курсах, согласно морским правилам, принимал вправо.

В широких иллюминаторах ходового мостика теперь чётко были заметны непокрытые головы экипажа.

– Хорошо им там, наверное, тепло!

Престин невольно зябко поёжился на это замечание мичмана и тут же вздрогнул, услышав крик сигнальщика.

– Он выбросил флажный сигнал «имею важное сообщение»!

Несколько дней назад или на сто лет вперед

*Рисовал каприз руки —
«Люди или призраки?»*

Научно-экспедиционное судно «Михаил Сомов», которое практически было закреплено таскать грузы на архипелаг Франца-Иосифа для военных, по явно какой-то великой надобности, а может, и просто с бодуна кинули в рейс раньше мая, когда в Ледовитом океане ещё лежат тяжёлые льды.

Дизель-электроход «Сомов» был всего лишь судном ледового класса, ему для этого дела требовался поводырь – полноценный ледокол⁹. Вот и припахали «Ямал».

А поскольку аренда «Сомова» в сутки – три миллиона рубликов, а у полновесного атомного ледокола и того больше, вояки решили суда порожняком не гонять и настояли на основательной загрузке и атомохода.

На тот момент никаких заказов (даже туристических) для «Ямала» не было, и Росатом-флот особо не артачился, отклонив уж совсем крупногабариты... и то на усмотрение капитана судна. Хотя погрузка, конечно, затянулась.

На борт приняли бочки с ГСМ, строительные наименования, контейнеры с военной маркировкой (тут ведали только вояки и суперкарго), два вездехода «Макар», взвод личного состава морпехов под командованием старшего лейтенанта. От военного ведомства была ещё пара в гражданском, которые носились с тремя среднего габарита ящиками, требуя аккуратности при кантовании и размещении на борту. Командир морпехов предупредил старпома о наличии некоторого вооружения в одном из контейнеров – решили не привлекать к этому особого внимания, заставив нужный контейнер другими с невозможностью быстрого доступа.

Пока загрузились и буксиры стали править отход ледокола от причала, «Сомов» уже сутки как был в море. Правда, дальше широты северной оконечности Новой Земли, где лёд толщиной до метра, дизель-электрохода уже не прошёл бы.

А «Ямал» нагонял упущенное время, давя 19,5 узла.

Где-то между 73-й и 74-й параллелями (согласно автоматическому мониторингу) всё и случилось....

* * *

«И вот же чертовщина какая, мы только на третьи сутки примерно сообразили, после того как облазили Землю Александры и ближайшие острова – куда, а верней “в когда” нас занесло!» – Капитан ледокола «Ямал» Чертóв Андрей Анатольевич, покряхтывая, массировал всё ещё колющий болью локоть, снова вспоминая, как всё было с того момента, как экипаж вернулся к дееспособности.

Сам он очнулся у себя в каюте на полу, непрезентабельно распластавшись плашмя. По этому «плашмя» и получал от пола серией неравномерных вибраций, пинков и ударов.

Всё знакомо и почти привычно – ледокол шустро пёр с постоянной скоростью, перемаывая льды.

⁹ «Михаил Сомов» способен преодолеть ледяной покров толщиной не более 70 см.

«Примерно от метра до полутора, – на глазок, но вполне профессионально и однозначно верно оценил Чертов, – а при особо чувствительном толчке можно смело говорить обо всех двух с половиной – торос разрубили. Опыт не пропьёшь! Но что за хрень? Чего это я разлёгся?»

Вот тут, наконец, пришло понимание: «Что-то произошло!» – выплеснув и раскидав адреналин по клеточкам.

Вскочил, даже сразу не ощутив боли в ушибленном локте. Побежал по трапу наверх на мостик, услышав, как за спиной зазвонил внутрисудовой телефон. Однако возвращаться не стал – тут рядом.

Первый, кто ему попался – начальник радиотехнической службы:

– А я к вам, звоним – не отвечаете...

Пока суть да дело – осматривались во всех помещениях, отсеках и каютах, показалось скупое полярное солнце, штурман быстро его поймал своими штурманскими прибабасами и озадаченно выдал координаты. Вот тогда сразу поверили независимым хронометрам, отсчитывающим не только часы и минуты. И стало понятно – почему вокруг сплошное белое снежное поле с исчезающей за кормой бороздой проломленного льда. Прикинув навскидку – сколько миль отмотали за 16 часов.

Понятно, что поднялись выше к северу, к 78-й параллели, но штурман сразу отметил кое-какие нестыковки со средней скоростью и расчётом времени между точками координат от места до места.

– И температура, несмотря на то что мы находимся ближе к полюсу, всё равно не соответствует карте погоды – ниже на 9–12 градусов.

– Потом покумекаем, – отмахнулся Чертов, бросив вдовесок раздражённый взгляд на начальника радиотехнической службы, который снова порывался доложить о том, что не успел по пути на мостик. – Да погоди ты со своей связью!

От самой мысли, что судно столько времени шло неуправляемым, без контроля со стороны экипажа, у капитана волосы вставали дыбом.

Беглый взгляд на приборы, дублирующие устройства управления, индикаторы винтов и энергетической установки, шкалы радиационной безопасности... на вахтенных, которые уже считали показания и не выказывали каких-либо тревог, немного успокоил.

Но всё равно, представлял, что могло произойти с судном за время полного отсутствия контроля, и становилось не по себе.

«Чёрт! А могли ведь запросто влететь в айсберг, в другой корабль, на рифы. Потерять лопасти, в конце концов...»

Не удовлетворившись видом с рубки, Чертов накинул чего потеплей, поднялся на открытую площадку надстройки, огляделся вокруг по горизонту – почти белая равнина, с редкими шагреновыми торосами. Ещё реже вмёрзшие возвышающиеся айсберги. На востоке тусклое, унылое рассветное солнце в стилой дымке – первые утренние потуги пробиться и заискриться на кристалликах замёрзшей воды.

– Эх морозцем резануло, – выдохнул паром, – ничего – привычны.

Быстро протрусил к правому крылу, облокотившись на леера, глянул вниз.

Ледокол мощно из-под штевня от борта проминал, выдавливал крупные колотые куски, лопающиеся с каким-то жутковатым харкающим звуком, встающие на ребро, краем уходя в воду.

В месте излома (в разрезе) льдины практически однородно зеленовато-изумрудного цвета с верхней снежной шапкой.

«Остаточный однолетний¹⁰, – резюмировал со знанием опытного полярника, – холодно-то чего так, не пойму?»

И поспешил вниз.

– Судя по тому, как навалено и разбросано всё то, что не было закреплено, в лёд мы вошли на полном ходу. Об этом говорит и просмотр записей с видеокамер системы физической защиты, – старпом уже принял большинство докладов от руководителей служб судна о состоянии на борту, – система предупреждения столкновения стояла...

В общем, только на «предупреждении».

Предположу, что по краю ледяного поля был окрепший нилас¹¹. Да и по кромке – однолетний лёд. Так что удар был, но небольшой. Ничего серьёзного с мест не сорвало. Сдвинуло один контейнер с креплений на палубе, но они там плотно... сильно не разогнались.

– А люди?

– А все уже лежали! Более того, кто был на полу – даже меньше пострадал, чем те, кто в койках. Сыпануло что-то малость со столов, да незакреплённое с полок...

На удивление обошлось без фатальных травм – ушибы, синяки. Дохтур выборочно провёл диагностику, взял анализы у потерпевших и не очень – говорит, что никаких необычностей и отклонений.

– Потерпевших?

– Самое авральное случилось на камбузе – маленький пожар. Но автоматика вырубил предохранители электроплит. Автоматика же потушила и возникший пожар. Сейчас там разгребают бардак, да поварята немного траванулись дымом. Военные пассажиры – там тоже почти в норме. Их старлей говорит – он сам и сержант шлёпнуться всё же умудрились. А рядовые как раз «жим лёжа» выполняли. Так бравой шеренгой и «прикорнули» в коридоре на третьем ярусе.

– Ну, надо же!.. – Сразу подумав: «Пассажиры – это всегда проблемы. Эти хоть военные – без лишних вопросов и паники».

– Так вот, – продолжил помощник, – а потом повезло – торосистость мелкая, редкая, вгрызались в лёд считай что постепенно. Ход плавно ушёл к минусам. Так и гребли, ломая, раскалывая поле. Пневмообмыв на автоматике стоял – пошёл отлив от бортов. Да чего там... мы «пак»¹² в штатном порядке и до трех метров сломим, а тут, судя по толщине – ещё молодой, однолетний. Уже погоняли в разных режимах – вибрации на винтах нету, значит, лопастей не потеряли...

– Н-да-а, при таком дифференте...¹³ – скорее задумчиво, чем удивлённо констатировал капитан. – Теперь по связи?..

– НАВТЕКС¹⁴, ГЛОНАСС – полный ноль! – Наконец начсвязи получил возможность отчитаться. – Пропала связь со штабом Росатомфлота и с военными. Не отзывался «Сомов», который и на радарах не обнаружен. Молчит радиомаяк «Нагурский». Сервер вообще ни одного спутника не обрабатывает, так что и GPS отсутствует. Аппаратура протестирована – исправна. Из предпринятых мер – пока только подача аварийного сигнала на внутренних частотах. Не принимаем сигнала береговых телецентров.

¹⁰ Остаточный однолетний лёд – не растаявший за лето в новом цикле замерзания.

¹¹ *Нилас* – тонкая эластичная корка льда, достигающая толщины более 0,5 метра.

¹² *Паковый лёд* – старый морской лёд, просуществовавший не менее двух годовых циклов нарастания и таяния. Толщина такого льда не менее трёх метров.

¹³ При прохождении во льдах для предохранения рулей и винтов от обломков льда ледоколу необходимо по возможности иметь дифферент на корму, что достигается заполнением балластных цистерн.

¹⁴ *НАВТЕКС* – система автоматической передачи навигационных предупреждений.

Последнее было сказано скорей уж так – от набитой привычки к бытовому комфорту и для полноты картины. И дополнил:

– Я сначала думал, что пожгло у нас приёмо-передатчики...

– Погоди, эфир вообще пуст, что ли? – перебил удивлённо капитан, выписав рукою круг на слове «эфир».

– Почти. Не ловим ни одного контрольного сигнала.

– «Почти»? А длинные волны?

– Вот именно на длинных волнах пробиваются какие-то обрывки морзянки, – как будто виновато пожал плечами начсвязи, – еле-еле, ни черта не разобрать.

– Ясненько, – в никуда сказал капитан. – Значится, так. Экипажу передать по трансляции – занять места согласно штатному расписанию. Ожидать.

Дождавшись, пока старпом зачитает сообщение, капитан, развернувшись на крутящемся кресле ко всем присутствующим на мостике, спросил:

– Какие будут предложения?

– Собираться не будем в конференц-зале? – решил уточнить штурман.

– А зачем? Все и так тут, – капитан уставился на старпома, – так и?..

– Я думаю, нам надо возвращаться и попытаться обнаружить «Сомова» или то, что от него осталось.

– Поясни.

– Если с «Сомовым» произошло то же, что и с нами, и он врезался в ледовое поле... Вероятно, он, как и мы, смог какое-то время пройти во льдах. Потом застрял, остановился...

– Но на связь он не выходит...

– Совершенно верно, – хмуро согласился помощник капитана, – его могло зажать льдами. Утонул. Экипаж, вероятно, высадился на лёд.

– Но почему они не выходят на связь? – попытался оспорить начсвязи. – У них есть радиомаяки, которые в такой ситуации эвакуируют одними из первых.

– Откуда мы знаем, как там у них всё произошло? – почти огрызнулся старом. – Может, они тоже в отключке были.

– Так, на полтона ниже, – приструнил капитан и обратился к штурману: – Уточни-ка ещё раз наши координаты, курс...

Тот, скосив глаза на свою карту, помимо координат указал примерное расстояние до границы ледового поля на юге (откуда они пришли) и до архипелага Франца-Иосифа. Штурман сразу понял, что капитан хочет продолжить движение к пункту назначения, видя в этом основную причину – расстояние. До Земли Александры было всего двести миль, против более чем вдвое больше обратно. И триста к вероятному местонахождению «Сомова».

– В общем, выбор у нас небольшой, – неожиданно подытожил Чертёв, – либо возвращаться, либо дойти до «Нагурского» и уже там прояснить обстановку. Я решил идти дальше. На поиск «Сомова» отправим вертолёт. Естественно, пилотам следует взять всё необходимое для спасательной операции. Если судно или спасшийся экипаж не обнаружат – по возвращении, прежде чем сесть на борт, пусть забегут по нашему курсу и разведают ледовую обстановку. Всё же мне что-то не нравится эта подозрительно опустившаяся температура. Всё, товарищи. Выполнять.

Вот так – по-капитански спокойно, почти обыденным тоном, как будто каждый день экипаж поголовно теряет сознание и судно остаётся без управления.

И ни тебе удивления, ни выразительного вздёргивания брови у команды – тех, кто знал Чертёва давно (по быту и по работе)... и тех, кто из новеньких, успевших уже проникнуться флегматичным характером и манерой его поведения – донельзя неторопливой. Нередко за глаза именуя кэпа Чёртом. Исходя от фамилии.

* * *

Вертолётное обслуживание Росатомфлота обеспечивал 2-й Архангельский объединённый авиаотряд.

В основном на ледоколах перешли на эксплуатацию судовых соосных Ка-32С, но в этот рейс на «Ямале» базировался увалень – «милевский» Ми-8Т в транспортной версии.

Экипаж слегка усечённый – пилот, он же командир Вова Шабанов. По складу ума – математик, да и по жизни не романтик. Бортинженер Славик Осечкин – почти творческая личность, со склонностью к браваре с лёгким налётом личной нереализованности.

Должен быть ещё второй пилот (типа «из пополнения») – но, так сказать, немного не перенёс местных реалий... или кухни... или ещё чего. В общем, отстранился (или отстранили) от работы – остался на судне.

Пролетев вдоль скованной ниточки-трещины прохода «Ямала», пилот довёл почти до края ледяного поля, ещё издали увидев хмурые воды Баренца, местами поигрывающие на солнце изумрудно-бутылочным цветом.

Связь с судном «вертушка» поддерживала постоянную, ещё раз подтверждая, что с аппаратурой всё в порядке. И никаких иных сигналов в эфире так и не зафиксировали.

Оранжево-синяя машина прошлась-покружила вдоль границы между белым и густозелёным. Пару раз на снегу замечали в бинокль что-то тёмное – подлетали, зависали... Ошибочка.

На всё про всё (поиск, маневрирование) убили не меньше часа.

При очередной встряске, получив окулярами по надбровным дугам, Осечкин чертыхнулся:

– Да нет тут их. Айда обратно – два часа пытеть как минимум.

– Забыл? Нам ещё по курсу «Ямала» разведку провести...

– Тем более! Из дополнительных почти уже всю выжгли¹⁵.

– Ладь. Вызывай «Ямал».

– Да у меня с базой практически онлайн, – легкомысленно заявил бортмеханик и переключился на аппаратную ледокола: – Миша!

В ответ хрюкнуло, потом разборчиво:

– Слухаю.

– Мы возвращаемся.

– Никого?

– Вах, дарагой! Всё видел: лёд видел, морэ видел, белий медведь видел! Параход – не видел!

– Погоди. С мостиком переговорю.

И минуты не прошло на разрешительную отмашку.

С виду неуклюжий «ми-восьмой» крутанул хвостом и целеустремлённо направился на норд.

– Жиманём? – предложил Славик, сползая с кресла второго пилота, собираясь пройтись в хвост по человеческим надобностям.

Шабанов молча добавил оборотов, наклоняя машину под встречный поток.

¹⁵ Средняя дальность полёта Ми-8 – 500 км. С дополнительными баками – до 1300 км.

Внизу белая слепящая равнина с пятнами-надгробиями вмёрзших айсбергов. Оглянешься чуть назад по левому борту – по снегу ползет серая тень вертолѐта, не отставая, гибко стелясь по буграм торосов.

Большую часть пути, к удивлению Шабанова, летели молча – Осечкин ещё тот любитель поболтать. А тут бортовая связь доносила лишь невразумительные мычания-напевы, бормотанья – коллега-вертолѐтчик сидел сзади, перематывая видеозапись, которую вели параллельно помимо визуального наблюдения. Видеосъёмка – мера вполне адекватная. При аварийно-поисковых работах человеческий взгляд бывает порой замылен и не заметит то, что зафиксирует камера.

Видимо, даже такой пассив надоел, и пилот, слыша в наушниках нетерпеливое побрякивание, сам спросил:

– Чего там тебе неймѐтся?

– Нравится мне полярка, – после небольшой паузы нейтрально начал Осечкин, – красота своя, неопишуемая, платят хорошо. И люди. Я ведь многих с «Сомова» знал.

– «Знал»?

– Мля... оговорочка по Фрейдю. Ещё и Чѐрт наш – кэп. Словно как не хотел посылать нас, зная, что ни фи́га тут не найдѐм. И непонятно... радоваться, что никого не обнаружили, или наоборот. Примеряешь невольно на себя...

– Да ты офигел. С какого перепугу ты их хоронишь?! Случись что – следы бы один хрен остались – у них «поплавков» до едрени фени, что-нибудь да лежало бы на поверхности. Так что брось, – командир фыркнул, переключаясь на конструктивное: – На видео – ни фи́га?

– Белым белѐ. Я на ускѐренке уж...

– Всѐ одно на «Ямале» отмониторят.

И совершенно неожиданно в ответ:

– Ё-те нате! Смотри какой!..

– Что, мать твою, случилось?

– Да ты посмотри. Мы ж на море почти не пѐлились и не заметили. Только погляди, какой раритет! Такелаж, труба метра три! И дымит, как тот паровоз! Реальный пароход!

* * *

На ледоколе восстанавливались. Слово «восстанавливались» можно было бы произнести всѐ сплошь из больших букв, потому что народ откровенно пребывал в прострации. Произшедшая потеря сознания, неожиданная заблуда во льдах, отсутствие связи, да что там – потухшее телевидение и тырнѐт... это ж почти нонсенс! Люди не то чтобы все такие уж избалованные и расслабленные, просто уже привыкшие к благам цивилизации.

К определѐнному образу быта между вахтами.

Радиорубка – связь с внешним миром, побила все рекорды посещаемости. И начальник радиотехнической службы, в конце концов психанув, приказал запереться и не открывать «всяким шастающим». Тем более ничего существенного на приѐме. И это отсутствие чего-либо (вообще!!!) уже несомненный факт выпадения из ординарности.

Ледокол – организация не военная, при имеющейся дисциплине, разговорчики побрели по отсекам-помещениям. Короткая речь старпома (а затем кѐпа) по судовой трансляции уверенности и спокойствия не принесла. Но все призадумались и воедино согласились: подождѐм!

Слетавшая на дальняк «вертушка» особых новостей не добавила, лишь заинтриговав зафиксированным камерой реликтовым пароходом.

В результате курсовой разведки выяснилось, что ледяное поле обрывается через 25 миль. Вертолѐтчики, разглядев в бинокль широкую полосу воды, повернули обратно, не став зале-

тать дальше, сославшись на ограниченность по топливу. В то же время, проведя визуальную разведку и ряд дистанционных замеров толщины льда, установили на пути ледокола несколько параллельных гряд торосов большой протяжённости.

Посадив машину, Шабанов, стянув с себя лишь комбинезон, отправился на мостик с докладом.

Ходовая рубка ледокола в самом верху широкой надстройки. От борта до борта – 30 метров, с прекрасным обзором прямоугольных иллюминаторов.

– Давай сюда, – с ходу начал капитан, подзывая к штурманскому столу в левом крыле, – показывай.

Размашисто протопав за кэпом, Шабанов с таким же размахом провёл рукой по карте:

– А чего тут показывать? Дальше пойдёт старый лёд, местами до четырёх метров – выше к норду километров на десять, не больше. Плюс торосистость, которую... блин, я не знаю – есть ли смысл обходить. И только ближе к краю поля появляются разводья и полыньи – там наблюдаются подвижки льда.

Чертёв зыркнул, всем видом давая понять, что он сам будет решать – обходить или идти напрямую.

Но недолго предавался сомнениям, оценив и взвесив, выбрал прямой путь.

– Объяви по судовой трансляции экипажу и предупреди вахтенного механика о переводе СЭУ¹⁶ на маневренный режим, – приказал он старпому.

Ещё полчаса шли пятиузловым ходом, вполне сносно куроча белый панцирь. Затем стали попадаться первые торосы, горбатящиеся большими гребнями и застывшими под разным углом льдинами, так называемый ропак¹⁷, порой внушительной толщины. Что не замедлило сказаться на скорости хода.

Попеременно то капитан, то старпом поглядывали на показания лага, брались за бинокли, обозревая белую промёрзлую пустыню. Матрос на руле косился на начальство, но иных приказов не поступало – впереди не наблюдалось даже намёков на удобные для прохода перемычки или трещины.

Пошла крупная торосистость, заметно возросла вибрация корпуса, началась своеобразная раскачка – нос приподнимался, заползая на льдину, та не выдерживала веса громады ледокола, проламывалась, уступая, и судно клевало носом, чтобы затем всё повторялось вновь.

С треском и грохотом...

...и клёкотом взбиваемой винтами воды...

...сквозь стылую среду, шумоизоляцию рубки...

...до уже привычных перепонок.

На «телеграф» (ручки управления движения судна, их три на каждый винт) становится старпом – впереди намечался сложный участок.

– Средняя три узла! – поступил доклад.

Так прошли с милю. В очередной раз оседлав поверхность, «Ямал» мощно, но неожиданно беспомощно замолотил винтами, застыв на месте.

– Хрена себе, – раздаётся за спиной капитана незнакомый голос.

– Полный назад! – командует Чертёв и только потом оборачивается: – О! Пассажиры пожаловали! У вас какие-то вопросы, товарищ старший лейтенант?

¹⁶ СЭУ – судовая энергетическая установка.

¹⁷ Ропак – отдельная льдина, стоящая вертикально или под углом, окружённая сравнительно ровным льдом.

А машины между тем крутили реверс, и махина ледокола стащила с неподатливого поля.

Командир морских пехотинцев молчал, уставившись на отступающий от пролома нос судна, что пропятилось метров на сто назад.

Звучит новая команда:

– Полный вперёд!

Визгнула на коротком сигнале предупреждающая сирена. Все за что-нибудь ухватились, зная, что сейчас будет толчок.

«Ямал» вгрызается в сделанный во льдах пролом, с грохотом, с вибрацией и с тряской отвоёвывает участок пути ещё на полкорпуса.

Звякнул стакан в подстаканнике, подпрыгнула трубка на рычаге телефона, покатылся, упал карандаш со штурманского стола...

– Полный назад!

– Да тут не четыре метра, – ворчит старпом, – что-то летуны недобдели.

– У них на борту стоит аппаратура СВЧ-зондирования. А она, как известно, даёт немалую погрешность. Оказалось, что в неудобную для нас сторону – видимо, паковый участок, – нисколько не напрягаясь от сложности прохода судна, замечает Чертов. И снова командует: – Полный вперёд!

Протяжный скрип, удар, в очередной раз нос судна лезет выше. Стоящий позади офицер, снова не сдерживаясь, что-то удивлённо бормочет.

– Что, молодой человек, первый раз видите ледокол в тяжёлых льдах?

– Впечатлён! Гефестово воплощение!¹⁸

Такое неожиданное экспрессивное сравнение вызвало удивление. Морпех не просто крепкий парень лет тридцати – выпирающая грудь, тугие мышцы шеи и рук при среднем росте немного квадратили его фигуру, что не производило впечатления интеллектуала.

– Вон он, кто сейчас главный наш «гефест», – чуть погодя указал Чертов на старшего помощника, снова отыгравшего аверс-реверс, – тут важно при переводе с хода вперёд, назад и далее, не остановить винт, чтобы он постоянной струёй отгонял обломки льдин.

– А не то?..

– А не то? – переспросил капитан, слегка покривившись на манеру речи старлея. – А не то застрянет льдина в винтах – можно лопасть потерять. Я видел, вы во время погрузки разглядывали наши запасные на верхней палубе?..

– Вот те огромадины, – удивился офицер, – и обломать?

– Они самые, – подтверждая жестом, – и обломать вполне... ха, как дураку стеклянный, простите, член – на раз!

Новый разгон сделали со 150 метров. Ледокол влез на льды чуть ли не всем корпусом, оставив в воде кормовую часть с бешеным бурлением винтов. И замер. Ни туда, ни сюда.

В этот раз уже кэп сказал:

– Ну да ни хрена ж себе заползли!

И стоял, чуть наклонив голову набок, как будто прислушиваясь, слегка сgrimасничал морпеху, дескать, «видишь, как бывает». И уже собирался дать команду заполнить носовые дифференциальные цистерны¹⁹, как с похожим на выстрел звуком лопнула здоровенная льдина и изломанной змеей побежала вперёд чёрная дорожка трещины, ветвясь поперечинами. Зубоватым скрежетом «Ямал» осел корпусом, ширя для себя вместилище, на мгновение создав эффект ухода палубы из-под ног.

¹⁸ *Гефест* – греческий бог кузнечного ремесла.

¹⁹ Заполняя носовые балластные цистерны водой, ледокол увеличивает свой вес, продавливая ледяной покров.

– Отлично, – осклабился капитан, с довольством и превосходством глядя то на покоренную природу, то на старлея, как бы говоря: «Видал, как могём!»

– Полный вперёд!

Морпех приник к иллюминатору, глядя, как расплзается трещина, и судно уже с меньшим усилием, да какое там, почти непринуждённо после таких-то «туда-сюда», устремилось вперёд.

– Хребет мы ему сломали, – компетентно заявил старпом, передавая ручки управления вахтенному, – теперь пойдём легче.

– Так что вы хотели, молодой человек? – в свою очередь спросил капитан у офицера морской пехоты.

Видимо, после всего увиденного старлею все его вопросы показались мелкими и незначительными, однако не был бы он военным... Дрессировка как-никак!

– Товарищ капитан... – военный потупился, не находя, как правильно обратиться к капитану судна, – э-э-э... можно вас по...

– А вас?

– Старший лейтенант Волков.

– Андрей Анатольевич Чертёв.

– Да... так точно. Андрей Анатольевич, во-первых, хочу высказать беспокойство. В моём подчинении тридцать шесть человек...

– В моём семьдесят шесть... – не перебивая, вставил капитан.

– ...я, как вы поняли, в Арктике новичок. Скажите, у вас тут это часто происходит?

– В Арктике? – Чертёв задумался, вспоминая все случаи. – Техника иногда подводит. Не без того. Бывает – люди. Вы спрашиваете об отсутствии связи? Иногда случается. Но чтобы так – впервые.

– А то, что все вырубились? Есть какие-то объяснения? Не знаю... магнитная аномалия, северное сияние, радиация, война, ЭМИ?

– Радиационный фон в норме, – вступил старпом, – при электромагнитном импульсе поггло бы электронику, а у нас всё цело. Видеомониторинг физической защиты зафиксировал то, о чём вспоминают многие перед потерей сознания – белое свечение. Возможно, это и было какое-то атмосферное явление. Или сопровождалось таковым. На моей памяти ничего подобного не случилось.

– А не могло это быть атакой, террористическим актом?

– Начальник службы безопасности сейчас работает над всеми версиями. Пробы воздуха ничего не выявили. Проводится анализ воды и некоторой пищи.

– Моему взводу придан груз на борту – оружие, и вы могли бы включить моих людей в обеспечение охраны, – по решительному виду офицера было видно, что он перешёл к главному.

– У вас, наверное, что-то посерьёзней, нежели в нашей оружейной комнате? Если не секрет...

– В контейнере, помимо персональных средств моих бойцов, наличествует груз военного назначения для пограничной службы ФСБ.

Капитан терпеливо ждал, не подгоняя вопросом о подробностях. Второй помощник, выполнявший роль суперкарга, говорил ему после погрузки в порту Мурманска, что вояки не предоставили список перевозимого оружия и остального взрывоопасного, отделившись размытым «груз военного назначения».

Впрочем, старший лейтенант, наверное, не видел в том особой военной тайны, навскидку перечислив то, о чём знал сам:

– Помимо экипировки и оружия моих людей, со складов для нужд погранцов перевозятся боеприпасы к стрелковому оружию, включая пулемётные. Сами пулемёты Калашникова и два крупнокалиберных «Корда». Гранатомёты и выстрелы к ним. Два ящика с пехотными

огнемётами «Шмель». Ручные гранаты, судя по маркировке. Сам список я осмотрел бегло – было ещё с десятков пунктов. Что-то там про сигнальные ракеты, фальшфейеры, радиостанции с ремкомплектами и всякой приёмо-передающей лабудой, сухие аккумуляторы... честно говоря, не запомнил. Но скорей всего, это изобилие размещено по другим номерам.

Старпом присвистнул:

– Серьёзенько. Как они нам ещё «Армату» в разобранном виде не запихнули. А что вы там говорили об экипировке своих морпехов?

– ВКПО в арктическом исполнении, бронежилет, оружие. В целом стандартный набор.

– А «вэкэпэо» – это?..

– Всесезонный комплект полевого обмундирования.

Чертёв немного подумал, смотря в иллюминатор, как в сторону. Потом принял решение:

– Знаете, ваше предложение о помощи... спасибо, конечно, но преждевременно. Пока никаких опасностей не наблюдается.

– Я понимаю, – принуждённо кивнул старлей, соглашаясь, – просто ситуация меня волнует. Произошло чрезвычайное происшествие. Я привык и хотел бы быть в курсе всех изменений. Или войти в ваш штаб. Это возможно? У вас есть штаб?

– Нет, штаба нет, – Чертёв и не думал улыбаться. – Есть я – капитан и мои помощники. Пока я не вижу сложностей с доставкой вас и груза для военных в пункт назначения. Если же обстановка изменится в плохую сторону, поверьте, возможностью усилить безопасность судна мы непременно воспользуемся. То бишь вашим предложением. Если вы привыкли держать руку, так сказать, на пульсе, можете присутствовать в рубке. Не мешаете.

Офицер снова кивнул, принимая отказ капитана, однако было видно, что он расстроился. Не стал он и задерживаться, отправившись на выход.

– Кстати, а те два гражданских, они у нас на третьем ярусе в каютах 14–16, – напомнил старпом и спросил у лейтенанта: – Вы не знаете, что они перевозят? Они тоже относятся к военным?

Старший лейтенант, уже в дверях молча сумрачно мотнул головой и вышел.

С выражением «вот так!» Чертёв посмотрел на помощника и уже вслух прокомментировал:

– По-моему, мы обидели молодого человека своим отказом. Да? Только мне на судне не улыбается вооружённая толпа, пусть даже это и наши brave морпехи. И ещё. Надо поручить начальнику службы безопасности обязательно проверить и расспросить этих товарищей из «четырнадцатой» и «шестнадцатой». Вдруг у них в ящиках тоже что-нибудь смертельно-разящее?

Вызывать начальника службы безопасности по судовой трансляции (а он мог быть где угодно из восьми палуб-ярусов судна) – лишний раз волновать экипаж. Подумают ещё – опять что-то случилось. Поэтому старпом сел за телефоны, намереваясь отыскать его простым обзвоном.

Чертёв же подошёл к иллюминатору, скрестив на груди руки и глядя в наплывающую белую целину, погрузился в размышления.

Вопросы лейтенанта о причинах и следствиях произошедшего, о прочности техники и людей снова заставили вспомнить (с не меньшим содроганием), что судно несколько часов шло во льдах совершенно неуправляемое.

Холодный мир Арктики настолько отличался от природы других широт, что впору было бы сравнить её (Арктику) с другой планетой. Не очень дружелюбной к человеку.

«А мы как затерянный в ледяном космосе звездолёт, глотающий парсеки».

И почему-то вспомнился Лем и рассуждения его героя в одном из произведений. Наверное, не дословно, но почти: «Человек – это такая крохотная капелька. Достаточно ничтожной

дряни, перегоревшего проводничка, какой-нибудь расфокусировки тяги или размагничивания полей – начинается вибрация, мгновенно свёртывается кровь, и готово. И если бы в этих условиях ещё и люди подводили...»²⁰

Взгляд в иллюминаторы – трещина по носу то ширится, то сужается, извилистым изломом. Ледокол идёт почти посередине раскола, иногда подламывая острые углы без всяких сотрясений и тряски.

«А вот наш “Ямал” не подкачал, техника и механизмы вытащили, тогда как человеческая плоть подвела, дала слабину!»

Капитан провёл рукой по внутренней обивке мостика, с уважением ощущая вибрирующую мощь.

²⁰ Станислав Лем. «Возращение со звёзд».

Спустя – неторопливой стрелкой на часах

За иллюминатором легчали льды, и атомоход бесцеремонно хрумкал их, расталкивая, раздвигая, следуя на норд. На чистый норд, и по компасу и по виду открывшейся вдалеке тёмной полосы – чистой воды Баренца.

Ледяное поле кончалось.

Кончался и никак не кончался долгий полярный день. Прежде чем солнце тягуче окунулось в оккупировавшую горизонт дымку, подняли «вертушку», с которой разглядели, что после примерно 50 миль чистой воды наступает опять белое безбрежье.

– Припай²¹ до самого архипелага, не иначе, – сделал заключение капитан, велел лётчикам возвращаться, – можно было бы прогнать машину до самой Земли Александры, но... когда там полная тишина и даже молчит радиомаяк, и туман такой плотный стелет...

– Верно, верно, затянуло-то как, а? Вот тебе и полярный день! – поддакнул старпом, глянув на сгустившуюся до пронзительной синевы хмарь. – Тихо дочапаем до припая, подгадав к утренней вахте, а уж потом определимся.

На выходящем из дрейфующих льдов «Ямале» вспыхнули прожектора, украсив некогда белое поле фантастическими пятнами, фиолетовыми отливами, очертив причудливыми линиями изломы трещин.

* * *

Несмотря на видимое спокойствие, почему-то именно в ночную вахту Чертов ожидал очередного выверта-подвоха от...

«А пёс его знает, от чего или кого?! Сидит где-то в нас, в человеках, заложенный ещё с первобытных времён страх перед тьмою, когда голожопый, едва прикрытый шкурой предок с ужасом прислушивался к рёву зверей в ночном лесу. Вот и рефлексую. Не дай боже опять грянет что-то типа уже случившегося – попадаем в отключку!»

При переходе в плотном тумане иногда радар, а потом и прожектор выхватывали мелкие, а порой и весьма крупные айсберги, которые словно призраки выплывали из серости, сверкая под лучами 50-киловаттных ламп, и так же величественно исчезали в ночи.

Невзирая на расчёт и выверенный ход чуть выше среднего, всё равно в припай вошли до утренней вахты. Без всяких неожиданностей, «схарчив» штевнем первые проплешины склянки²², затем вмёрзшее крошево и дальше, откалывая куски всё толще и толще. И туман поредел, студясь на лёд.

«Собаку» достаивал старший помощник. Оценив толщину льда, он не стал будить раньше времени капитана, а счёл целесообразным отправить в разведку вертолёт, пока ледокол будет огибать западную часть острова Александры.

Но машину готовили чуть погодя, проходя траверз мыса Мэри-Хармсуорт (крайняя западная точка архипелага). Пилоты долго прогревали двигатели и наконец взлетели, утарахтев вперёд на крейсерской.

Не прошло и пятнадцати минут, как летуны огорошили:

– Нету! Ничего нету!

– Как? Чего? Совсем ничего? Сбрендили? – посыпал вопросами старший помощник.

²¹ Припай – неподвижный лед, прикреплённый к берегу.

²² Склянка – тонкий прозрачный лёд.

– Погоди, Ваня, – в рубке появился заспанный капитан. Взял трубку переговорного устройства с «вертушкой»: – Это капитан. Докладывай.

Выслушав, спросил:

– Может, что-то напутали и это не Земля Александры? Всё же под снегом... – слушая пилотов, кэп поддакивал: – Понятно! Очертания... ледяной купол...²³ заливы... кого видели? Мишку? А-а-а-а, белого! Ясно! Возвращайтесь.

– Что? – напряжённо ждал старпом.

– Сходим – обследуем. Распорядись – пусть боцман... или сам – подготовить экипировку, выдать оружие. Отправимся на вертолёт. Сам хочу посмотреть.

Чертёв резко повернулся к вахтенному:

– Толщина льда, температура?

Получив ответ, распорядился:

– Стоп машины. Готовьте «ледовые якоря».

Машины все же не остановили. Просто мерный гул механизмов сменил тональность, утонув в утробе атомохода. Гребные электродвигатели продолжали лениво крутить винты, те гоняли воду с мёрзлым крошевом, не давая схватиться корке льда – соблюдалось необходимое равновесие, и судно стояло, упёршись носом в вырубленный карман в припае.

Спустили трап, на лёд соскочили боцман с матросами – осмотрелись, расставили флажки вблизи опасных трещин. Затем, накрутив коловоротом лунки, вбили на четыре точки деревянные брусья, закрепили на них швартовы – два носовых, два с полуюта.

Вернулась «вертушка», села, медленно вращая лопастями – пилоты ждали, пока наберётся и экипируется экспедиционная группа.

Техники даром времени не теряли и, подтянув заправочные шланги, накачивали «Миля» горючкой – в Арктике нельзя полагаться на «авось», и топлива всегда должно быть с запасом.

Пошла погрузка. В последний момент прискакал лейтенант-морпех – попросился тоже.

Капитан дал согласие. С военным снаряжением из контейнера возиться не стали (хлопотно) – надеть что нашли: чьи-то запасные унты, пуховик на лебяжьем пуху, из оружия доверили «Сайгу».

– Ты ж смотри, лейтенант, это только с виду «калаш».

– Знаю, знаю, – выгнал на ветер пар изо рта офицер – казалось, что он самый взволнованный среди всей группы.

Все уже расселись, ждали только капитана.

– Так, Ваня! – отдавал тот последние наставления старпому, перекрикивая свист вертолёта. – Не знаю, сколько мы там проваландаемся, температура воздуха мне не нравится – колеблется, и ветер с норда, – так что – бди!

* * *

С высоты переход от припая на берег едва заметен, если бы не темнеющая оголённость скал на мысе Мэри-Хармсуорт, от которого до местоположения «Нагурский» пятьдесят пять километров.

Дальше шли над куполом Лунным – ледовым куполом, покрывавшим большую часть острова Александры. «Ми-восьмой», как уже упоминалось, был в транспортной версии – сиденьями для пассажиров хоть оборудован, но шумоизоляции считай что никакой!

²³ На архипелаге Франца-Иосифа, и в частности на Земле Александры, имеются ледяные образования куполообразной формы, обладающие сравнительно крутыми склонами благодаря малым горизонтальным размерам.

Чертёв обустроился на месте второго пилота – разглядывал открывшийся внизу вид, нацепив на голову наушники и слушая пояснения Шабанова.

– Я поначалу тоже подумал, что попутал, но видите – вот там левее на северо-западе уже виднеется полынья, примыкающая к мысу Нимрод. Вот по этому аппендиксу Нимрода (знакомое очертание) я как-то сразу и понял – прилетел туда, куда надо.

А дальше непонятка пошла! Ещё месяц назад вокруг бухты Северной железа²⁴ всякого до хранища навалено было, не переработанного и не вывезенного. А тут девственная чистота!

Вертолёт промахал ещё десять километров и завис над тем местом, где должна была быть база пограничной службы «Нагурский».

Теперь знакомые очертания острова оказались совсем какими-то незнакомыми.

– Ну и... кульминация! – произнёс Шабанов, словно ставя себе в заслугу, что сумел пробить невозмутимость кэпа.

То, что понастроили за последний год, скрыть снегом было совершенно невозможно. Не было пёстрых маяков, ни куполов ангаров, ни антенн, которые наверняка бы торчали, несмотря на все метели и ураганы. Внизу было совершенно чистое белое поле снега!

– Это точно остров Александры?

– Несомненно. Оно. Но не оно! Садимся?

– Валяй!

Винты ещё гоняли колючую снежную пыль, а самые прыткие уже соскочили на ноздреватую наморозь, покрывавшую место посадки. Кто с ружьями, у кого-то такая же, как и у старшего лейтенанта, «Сайга».

«Всё правильно, – подумал Чертёв, – белый медведь – зверь мало того что любопытный, человека ни в грош не боится. Даже с рычащей и смердящей техникой. А тут вообще считай что полновластный хозяин в теперешней совершенно непонятной пустоши. Хотя, насколько удалось разглядеть с высоты, прибрежная полынья простирается дальше на всю северную часть острова. А открытые участки воды – это самые охотничьи уголья, наличие и доступность корма для всех обитающих тут тварей. Там-то должна быть и основная “столовка” для медведя. Так что тут ему делать нечего».

Народ разбрёлся (осторожничая – парами), ковыряя снег в надежде отыскать хоть какие-то улики и свидетельства под белым покрывалом – тщетно.

Во время полярного лета здесь из-под снега проступает земля и появляется скудная арктическая растительность. Сейчас же от края до края сплошная снежная целина – плавные изгибы, бугристость, провалы. Безжизненно и уныло в свете тусклого, пробивающегося из-за серого марева солнца.

Ветер с норда, с открытой воды, тянул влажностью, зябко пробирая даже в тёплых одеждах. И даже разлапившаяся винтами «вертушка» местами уже начала покрываться пушистым ёжиком инея.

Люди стали стягиваться обратно. Офицер-морпех (в ярком пуховике, совсем как и не офицер), тот давно уже поутратил интерес к окружающему – прохаживался рядом, наблюдая за периметром, держа оружие непринуждённо, но настороже (сказывалась выучка). Иногда бросаая короткие испытующие взгляды, проявляя завидное терпение, удерживаясь от вопросов.

Накинутый на голову капюшон приглушал все звуки, и боцман подошёл совершенно незаметно.

– Ерунда какая-то! Сверху смотрел – совершенно очевидно, что это остров Александры. А тут... – он развёл руками вокруг, похмыкал, прикряхтывая, подыскивая слова, и не нашёл ничего подходящего, кроме как: – Необитаем!

²⁴ Ржавеющий металлолом, оставшийся ещё со времён СССР: в основном бочки из-под ГСМ.

Кэп стоял будто изваяние, потираясь наветренной щекой о мех капюшона, согреваясь, думая о своём, делая предварительные, совершенно невозможные выводы, завивающие мысли в совсем невероятные гипотезы.

– Капитан, – ещё раз окликнул боцман, – Андрей Анатольевич...

– Да, конечно. Возвращаемся.

Колючий промозглый норд был самым лучшим погонщиком обратно на борт – все быстро гуськом, пригнувшись, проскользнули в узкую сдвижную дверь.

Пустынная Земля Александры в иллюминаторах провалилась вниз.

По пути назад пилот решил пройти чуть восточнее – вдоль береговой черты над заливом Дежнёва, проливом Кембридж, о чём и уведомил капитана. Решение Чертова было спонтанным, вытекающим из этого изменения маршрута:

– Сколько у нас горючки – до Белля хватит?

– Грэм-Белл? – слегка опешил пилот. – Так туда ж километров триста по прямой от «Нагурского»!

– Да нет! – снисходительно поправил кэп, несколько не удивившись, что Шабанов сразу подумает на остров Грэм-Белл, который был в логистике морских грузоперевозок. И повторил с нажимом: – Остров Белл, тот, что чуть западнее Нортбрука. Сравнительно недалеко.

– А-а-а! И до, и на обратно на ледокол – вполне, – пилот даже не взглянул на показания приборов, меняя курс.

А Чертов взялся за работу штурмана – без электронной навигации, имея сомнительные ориентиры, когда внизу практически сплошное белое поле за редким исключением отмелей у берегов да темнеющих скал, главное было не промахнуться. Тем не менее привязка существовала, следовало выбрать направление, произвести несложные расчёты и выйти в нужную точку.

* * *

Двадцать пять минут лёту. Пересекли по диагонали южную часть острова Георга, замёрзший пролив с голубыми пятнами полыней, и вот впереди показалась чернеющая оголёнными базальтовыми склонами гора с плоским наверху плато – остров Белл. Неожиданно пробило солнце, подкрасив пейзаж лазоревыми тонами.

Шабанов давно догадался, что именно хочет найти капитан на Белле, и, прекрасно ориентируясь, повёл машину вниз.

– Вон он! – указал за остекление кабины Чертов. – И не особо засыпан снегом, как я опасался. А то уж думал спрашивать, есть ли у вас на борту лопаты.

Переменчивое небо совсем очистилось голубизной, ещё резче очертив возвышающееся плато с белой дымкой на вершине. А внизу, в ложбине среди серых валунов и снега, совершенно неестественно, словно что-то инородное для ледяной дикости, прямыми линиями проступал силуэт неприхотливого дощатого домика.

Вертолёт посадили недалеко, на каменистом взгорке. К домику собрались идти все. Любопытно было даже лётчикам, хотя бывали тут не раз.

Пока спускались с возвышенности, капитан рассказывал старлею историю хижин:

– Построил её шотландский путешественник Ли-Смит в 1880 году, так сказать, на всякий случай, в своё первое посещение архипелага. Назвал в честь своей шхуны – «Эйра-хауз». Оставил в этом зимовье продовольствие, уголь. Тогда, да и сейчас так многие поступают – не только для себя, а и на случайного бродягу-полярника, попавшего в бедственное положение. Но припасы пригодились впоследствии им самим, когда Смит предпринял на следующий год

очередную экспедицию. Их шхуну раздавило дрейфующими льдами у Нортбрука, и они потом сюда наведывались на шлюпках за харчем.

– Выжили? – с нескрываемым интересом спросил лейтенант.

– Подъели всё, занимались охотой. Потом, в конце концов, на шлюпках ушли к Новой Земле. Там где-то по пути их подобрала. Спаслись.

Почти пришли, шкрёбая то по каменному крошеву, то по крупнозернистому снегу.

Чертóв замолчал, сдвинув брови, с пристрастием разглядывая строение. Крыша зимовья была перетянута канатами, почти без провисания крепящимися за ближайшие валуны.

– Занятненько, – пробормотал идущий рядом пилот.

– Что?.. – попытался морпех.

– Да ничего, – открестился Шабанов, – поглядим, что внутри.

С одного боку строение было присыпано снегом. Там, где снег отступил, громоздились округлые камни насыпом у основания, для прочности.

На взгляд лейтенанта, домик выглядел, словно построенный лет десять назад, но никак не в 1880 году. Лишь на крыше был замечен зеленоватый налёт от мха или плесени.

Оба окошка были заколочены ставнями. И дверь (небольшим выступом) тоже. Кстати, на двери были характерные следы – пошалил белый медведь, нацарапав своё любопытство или извечный поиск пищи.

Лопаты не понадобились, но прихваченный боцманом топор оказался к месту. Поддев доски, отжали крепления, немного повозились с перекосом петель, и вход оказался свободен.

Капитан, понимая интерес лейтенанта, ещё ни разу не бывавшего в полярке и не видевшего ничего подобного, мотнул головой, пропуская Волкова вместе с первыми желающими.

Внутри никаких неприятных запахов, никакого тлена или разложения. Фонари высветили стены – доска имела кремовый оттенок, против ожидаемого Волковым потемневшего, серого. Это, видимо, никого не удивило – люди разбрелись, тщательно обследуя углы, пол.

А вот капитан и боцман, сразу направив свет на стены, были явно озадачены, бормоча и переговариваясь меж собой:

– ...а где?..

– ...тоже не вижу.

– ...странно, а куда могла...

– Впечатляет, – Волков указал на выцарапанные даты и прикоснулся к шероховатости доски, как будто к самой истории, – больше ста лет!

– Да, – с неопределённостью в голосе ответил Чертóв, – шли люди – честолюбцы и исследователи в одном флаконе, открывать новые земли, давать им имена, погибать от холода и цинги, побивать рекорды и быть первыми.

– Народ! – послышался чей-то возбуждённый голос. – А это что за... я тут нашёл что-то!

Все обернулись, направив фонари на одного из членов экипажа, затем на боковую стену, где выше были приколоты какие-то листы бумаги.

Раздаётся новый возглас, и лучи света мечутся в другую сторону – пилот, стоящий у окна, указывал на жестянку, прибитую к стене. В руке он держал какой-то предмет.

– Аккуратней! – чуть повысив голос, потянулся капитан, отбирая находку.

Сразу три фонаря осветили руки кэпа, развязывающего бечёвку, разворачивающего верхний слой плотной серой бумаги. На свет появились первые белые листы, исписанные мелким почерком.

Волков пригляделся – на английском. Руки кэпа подрагивали, разобрать ничего было невозможно, а сам Чертóв, бегло пролистав, отыскал подпись в конце:

– Письмо Ли-Смита. Невероятно!

Все вдруг заговорили разом. Волков улавливал лишь отдельные фразы, не всегда понимая, о чём говорят.

– ...я был в две тыщи одиннадцатом – тут всё прибрали, вычистили...

– ...а сейчас мусор всякий, ржавые консервные банки, даже каменный уголь в углу...

– ...м...даков хватает...

– ...турысты, мля-нах их...

– ...но откуда эти древности?

– Может, объясните... – Волков взглянул на капитана с боцманом, продолжавших изучать бумаги. – Я так понял – это артефакты старых полярных исследователей?

– Дело в том, что в 1913 году тут побывали люди из экспедиции Седова и упоминали об этих находках. Но уже в двадцать девятом другой «Седов» – советское судно, также проходило по этим местам. Члены экипажа побывали тут и уже ничего этого не обнаружили. Кто-то прихватизировал ценные исторические документы.

– Так, может, это новодел? Для привлечения туристов... дескать, «великое открытие», «невероятная находка», и под это дело приторговывают «настоящими» историческими артефактами?

– Хорошая версия, – крикнул боцман, – только...

– Только есть странности и нестыковки, – подхватил капитан, двинув вдоль стен, освещая фонарём, показывая: – Вот это нацарапал штурман «Эйры» в 1881 году, вот надпись Вильяма Брюса из экспедиции Джексона 1897 года. Но нет ни одной записи последующих годов. А они были. После постройки сего обиталища на этих стенах отметились многие полярные экспедиции, да что там говорить – все кому не лень! Вот, например, на этом месте, над брюсовской, я прекрасно помню, была запись 1955 года. А вот тут отличились наши ухари в шестидесятых годах, накарябав, как они убили и вые... поймали медведя. Придурки. Сохранность домика, как видите, идеальная – не закрашено. Не скоблили. Их просто нет! Ещё нет!

– В смысле «ещё»? Не пойму, к чему вы клоните?..

К разговору капитана и морпеха прислушивались уже все, притихнув.

Чертёв на некоторое время замолчал, собираясь с мыслями. Скинув капюшон, провёл рукой по голове, словно с непокрытой головой лучше думалось.

Начал он плавно, подбирая слова, сам ещё не уверенный в своих выводах:

– Честно говоря, я всё ещё надеялся, но полное отсутствие следов человека на Земле Александры вызвало у меня определённое ощущение. Как будто мы плыли, плыли и... приплыли.

– В другую Арктику?

– Время. Тут ключевое слово «время». Арктика та же – время другое. Как будто время замерло, отыграло назад в позапрошлый век – самый конец или прошлый – в начало. Потому что – морзянка в эфире и тот пароход, дымящий на угле, не иначе. Я рассудил, что ближайший человеческий «памятник» находится на Белле. До Капа-Флоры топлива на вертолёт точно бы не хватило.

Стоящий рядом Шабанов произвольно кивнул, подтверждая.

– И вот, – Чертёв окинул взглядом стены зимовья, – я вижу, что после Смита и Джексона тут никто не бывал. словно мы окунулись в прошлое. И тогда становится понятным отсутствие спутников... их время ещё просто не наступило.

– И вы так спокойно об этом говорите? – только и пробормотал Волков.

Остальные молчали, чуть ли не открыв рты, тяжело переваривая полушариями серого вещества эту идею, версию или действительно – действительность.

Озвученное кэпом легло громом среди ясного неба. И как в дополнение снаружи гроыхнуло выстрелом, заставив всех излишне остро отреагировать – вздрогнули и скопом повалили на выход.

Доносится:

– Медведь!

«На улице» солнце совсем не шадит сетчатку, и, шурясь, озираются «где?», «кто?», «куда?».

– Медведь! – снова слышится крик, на слух Волкова, совсем без паники. Оглянувшись, влекомый звуками и общим движением. И увидел! Первое, что бросилось в глаза – шерсть медведя была перемазана ярко-красным.

«Кровь!»

Самое удивительное, что, несмотря на кровавый вид, зверь не выглядел свирепым хищником. Лейтенант доверял своему интуитивному нутру, но и на этом уровне ощущения страха не приходило. К тому же более опытные полярники не выказывали никакой суеты – никто не дёргал остервенело затвор, не целился из ружья, хотя держали настороже.

Медведь стоял метрах в тридцати, подняв вытянутую морду, чёрной точкой носа вынюхивая новые запахи.

– Тюленья поди сож-жрал – сытый, – поясняет Чертёв таким голосом, словно сам наелся до отвала, – просто ему интересно – любопытная тварь!

– Совсем непуганый, – удивляется морпех. И как бы догадываясь: – Выстрела-то не побоялся. А? Действительно людей не видел!

– Для белого медведя выстрел похож на звук трескающегося льда – он к нему привычен с детства. И вообще эта скотина ничего не боится, – спокойно просветил кэп и крикнул: – Пальни ракетницей, стоишь, сиськи мнёшь!

Кому надо, услышал – фыркнуло, разбрасывая искры и дым прямо под ноги животине. Скрикошетило от снега, уходя полого в сторону... дальше.

Ошалевшая зверюга, не ожидавшая такой подляны, взревела, крутанулась и дала дёру. Надо сказать, с приличной скоростью.

Народ ржал, присвистывая и прикрикивая.

– Столько мяса убежало, – с улыбкой посетовал лейтенант. – Он вообще как на вкус?

Капитан, подкинув в общее веселье своё «кхе-кхе», отмахнулся:

– Вонючка он. Что жрёт, тем и воняет – ворванью да рыбой. Кровью его раньше спасались от цинги, а печень так и вовсе ядовитая²⁵.

Волков на это удивился и уже хотел разузнать побольше, как Чертёв неожиданно решил ответить на его ранний вопрос:

– Спрашиваете, спокоен ли я? Не спокоен! Не спокоен. Только мне воспринять провал во времени куда как проще, нежели вам, например, чёрт меня подери. Потому что – Арктика! Поверьте – я знаю! Мне пятьдесят три, а на северах я, в полярке – по Арктике более двух десятков лет... Довелось походить по северной макушке планеты и пёхом и на плаву.

Лейтенант покосился на призадумавшегося собеседника, оценивая. Образ закоренелого полярника Воронову представлялся иначе – обветренный красномордый или выбеленный кряжистый бородач. А этот – даже никакой тебе шкиперской бородки, какие частенько отращают капитаны, чтобы соответствовать образу. Чисто выбрит, лицо скорей слегка смугловатое. И нет этих характерных морщин, морщинок, обветренных и высушенных севером. Может, из-за склонности к полноте? Зато густые чёрные брови, короткая стрижка... И только в тёмных волосах пробивается пятидесятилетний мужчина – сединой, и взглядом... цепким, колючим, пожившим.

А капитан «Ямала» продолжал беречь свои ассоциативные образы:

²⁵ Всё дело в витамине А, концентрация которого в печени белого медведя очень высока. Употребление в пищу даже небольшой порции медвежьей печени приводит к тяжёлому отравлению.

– Потому что Арктика сама по себе... как экскурсия – путешествие в прошлое!

Здесь нет бактерий, поэтому не разлагается дерево. Лёд и мороз – прекраснейшие хранители. И нередко можно найти что-нибудь такое-эдакое... выстёгивающее нервы, вмерзшее во льды и снега за целую сотню лет назад, но как будто вчера! Целёхонькое. Почти. Ильич, упокой его, в мавзолее позавидует! Вот как! И если помереть (а придётся), то сгинуть бы здесь – во льдах, поближе к полюсу.

И если твои бранные останки не найдёт оголодавший мишка или человеки, пролежишь не одну сотню лет. Хэх! Сохранишься, словно тело астронавта в вакууме космоса в скафандре... среди астероидов или на пыльных лунных тропинках. Романтика!.. И не надо скептически улыбаться, молодой человек! Посмотрите на эту базальтовую громадину, торчащую посреди льда и снега. Это ж... совершенно фантастический пейзаж, словно другая планета! Как холодный вечный космос, где время замерло между «вчера» и «сегодня», посреди «давно» и «ныне», сохраняя часы, минуты на десятки, а то и сотни лет.

Ветер сносил слова в сторону, востра уши некоторых членов экипажа. Увидев, что опять набрал аудиторию, кэп прервался:

– Но... долой лирику. Что это у вас?

В руке лейтенант всё ещё сжимал обрывок плотной бумаги (на вид и ощупь), который подобрал в хижине, поддавшись общему порыву что-нибудь отыскать:

– Да, вот... нашёл.

– Обёртка от пеммикана. Практичная еда для полярника²⁶. В самом ходу в девятнадцатом веке и до первой половины двадцатого, – повертев в руке желтоватый лоскут, Чертёв встретился с понимающим взглядом с Шабанова. – Что у тебя на борту?

– Из жратвы – НЗ. Ещё сухарики какие-то молодёжные – Осечкин трескает постоянно, оттого с запасом. И сухой спирт, как топливо.

– Тащи всё. Оставим здесь. И двигаем обратно. Всё что могли, мы уже увидели. По уму – сделать рейс на Нортбрук, но... поумекать надо.

– А если там сейчас кто-то погибает?

– Кто? Я всё понимаю... конечно, не конвенция открытого моря, но коль у нас есть возможность помочь, надо бы... Вопрос – кому? У нас нет точной сегодняшней даты. И даже охватывая весьма большой период – с 1897 по 1913 год... сейчас припомню... В 1899 году – итальянцы. Где их там искать за островом Рудольфа? И сколько на это уйдёт времени? В 1901-м – экспедиция Болдуина. Та же хрень. Лето девятисот первого – ледокол «Ермак» во главе с Макаровым. Всё пройдёт благополучно.

С тысяча девятьсот третьего по пятый – зимовка Фиалы. Несомненно, если мы сгоняем на Нортбрук и на мысе Флора отыщем российский флаг, установленный парнями с «Ермака» – привязка ко времени сузится. Но есть ещё один фактор, который я пока и не обдумал толком!

– Судя по фамилиям – все эти экспедиции, кроме «Ермака», будут иностранными? – влез внимательно слушавший лейтенант и, получив утвердительный кивок, решительно заявил: – В таком случае считаю, что нам не следует показывать свою технику и возможности представителям иностранных государств.

– Ну, вот и наш морпех пришёл к тем же умозаключениям.

– Я просто делаю маленькое упреждение, – пожал плечами офицер, тем самым давая понять, что до конца не принял версию капитана о попадании в прошлое.

²⁶ *Pemmican* – название происходит от индейского «пими-окан» (род жира) – высокопитательный мясной пищевой концентрат в сухом или вяленом виде.

С пилотским пайком НЗ, как и с сухариками в хрустящей упаковке, немного пришлось повозиться – из-за этой самой упаковки, на которой были нанесены футуристические надписи, включая даты изготовления. В конце концов просто распотрошили содержимое, рассовав в безликий целлофан, уложив в найденные в хижине ёмкости.

В отличие от Земли Александры, где сняли короткое обзорное видео с высоты, на Белле ещё изрядно пощёлкали камерами – был исторический объект и предметы.

– А то, как вернёмся на «Ямал», я и сам перестану верить в увиденное, – резонно заметил кэп.

Аккуратно собрали все памятные артефакты, понимая историческую ценность этих документов и записок.

Вход в зимовье тщательно заколотили, осмотрелись вокруг, оглянулись перед посадкой на домик – человеческий островок на островке, свидетельство людского посещения и пристанища.

Засвистели, побежали по кругу, завращались... задрожал, отрываясь от земли, «Миль», медленно, с припущенным хвостом прошёл полукруг над клочком суши. Уже с высоты пилот указал:

– Гляди, а мишка нас провожает, только что лапой не машет.

Хозяин тутошних северных пустынь стоял на каменистой россыпи. Поднятая кверху голова зверя поворачивалась вслед удаляющейся машине.

* * *

А по прибытии перво-наперво – на камбуз, в столовку.

Капитан намеренно не стал ни просить, ни приказывать, чтобы до поры помалкивали о результатах и выводах разведки на архипелаге. И сам пока не делал никаких заявлений.

И разговорчики среди экипажа, естественно, поползли.

«Пусть привыкнут, обдумают, пересудачат...»

И только после запоздалого обеда (и ещё полчаса на «пока оно уляжется») объявил сбор в кают-компанию для начальников служб судна.

Расселись по креслам. Пообсуждали, точнее поспорили, но без азарта, с заметно гнетущим настроением.

Многие вообще отмолчались, думая о своём и, видимо, о личном. В воздухе витало скользкое слово «неопределённость».

Прокрутили фильм, снятый с «вертушки» и затем в зимнике Ли-Смита, – впечатления не произвёл. Старые бумаги разошлись по рукам, но люди продолжали проявлять скепсис. Чертов и сам почувствовал, что на месте вживую всё смотрелось более реально. Да и здравый смысл продолжал вопить: «Этого не может быть!» Человеческая психика упрямо цеплялась за стереотипы.

В чём полностью поддержали капитана, так это в решении идти к материку, к цивилизации. И нецелесообразности посылать на повторную разведку вертолёт, найдя даже применимый к нетривиальной версии аргумент: «Если мы оказались в прошлом, где нет никакой современной ремонтно-производственной базы, следует беречь ресурс сложной авиационной техники». Да штурман пробурчал что-то про «пару нормальных да ясных ночей со звёздами – я бы поколдовал с обсервацией и приблизительной датой наверняка».

Командир морпехов опять заикнулся об организации штаба и привлечении его подразделения к обеспечению безопасности.

В этот раз Чертов отнёсся к предложению военного не столь критически. Однако по-прежнему положительный ответ давать не спешил.

– Что ж, – подвёл черту совещанию, – пока будем плясать от имеющегося.

«Ямал» снялся с ледовых якорей, заворочался, получив пинок от винтов, потеснил льды, совершая движение и разворот на месте. Пополз по недавнему следу, затянувшемуся индиговой коркой посреди слепящего белым пространства.

* * *

Из припая выбрались в 19:00, если судить по хронометру. Солнце приспустилось, наливаясь красным.

Впереди простиралась открытая вода. За ней, где-то ещё не в пределах видимости, уже раз пройденные неприятные льды. Прикинули в штурманской направление и скорость их дрейфа. Течения с Карского моря и устойчивый норд влекли дрейфующее поле к югу, юго-западу.

– Нам попался, видимо, отколовшийся бродяга-пак – спустившийся отрог океанического ледяного массива, обросший годовалым льдом местного происхождения, – сделал самое простое предположение капитан, – не понравился он мне. Рассчитайте маршрут, курс, время... сам поведу.

Наведавшись в радиорубку, Андрей Анатольевич уселся и немного погонял шкалу, но не было даже словленной ранее морзянки. А поскольку записи перехваченных сигналов не велось, то и дежуривший на тот момент радист уже сомневался:

– Теперь уж и не знаю... может, это такие отголоски грозových помех были...

Капитан покосился на блоки и терминалы глобальных систем, но там много не покрутишь, не подстроишь – просто светятся «контрольки» отсутствия доступных спутников. Вот и весь сказ.

По пути к себе в каюту его перехватил Волков – старший лейтенант был настойчив и хотел обговорить какие-то вопросы с капитаном лично.

Особого желания не было – устал, но согласился, надеясь, что недолго:

– Пройдёте в мою каюту... там.

Спустились палубой ниже. У двери каюты Чертов попросил обождать, ненадолго скрылся у себя, потом вышел (видимо, переодевшись) и предложил пройти в рабочий офис – соседняя дверь.

– Давайте, – натруженно усевшись за стол, предложил хозяин кабинета, – выкладывайте. Вы всё по поводу ввода ваших парней в действие?

– И про это тоже...

– Эх вы, военные, так и норовите построить, возглавить да покомандовать! Да вы присядьте...

– Я просто хочу сказать, что всецело стою на вашей стороне. И, несомненно, признаю ваше командное право на корабле...

– На судне, – рассеянно поправил кэп.

– ...но если надо будет провести военную операцию на суше – тут уже моя компетенция. Ежели надо будет защитить ледокол от несанкционированного враждебного проникновения, абордажа – в этом случае выбор за совместными действиями. Потому что именно вам и экипажу известны важные, уязвимые точки судна, которые надо взять под контроль в первую очередь.

– Вы серьёзно? Думаете, может дойти и до такого? – Брови капитана взметнулись в удивлении и тут же нахмурились тревогой.

– Я просто не исключаю и хочу просчитать любую ситуацию, но, конечно, для начала увериться, так ли верно, что мы не в своём времени.

– Да... слишком фантастично. И есть сомнения. Мою версию не поддержали. Даже я сам сейчас уже не уверен...

– А вот я... не то чтобы наоборот, но после того как послушал резоны ваших помощников, понял, что это не коллективное умопомешательство.

– Люди просто не верят, цепляются за надежду, что всё произошедшее – недоразумение, – Андрей Анатольевич кисло улыбнулся, – погодно-аномальное.

Лейтенант покачал головой:

– Я подумал, сопоставил факты... хоть пустынные острова, которые мы посетили, для меня не аргумент (я на них раньше не бывал, и мне не с чем сравнить), но если собрать всё, что с нами произошло до кучи – в знаменателе маячит ваша гипотеза. Ещё бы пару доказательств, и... тогда уж точно.

– Что точно? – Вопрос прозвучал всё ещё вяло, но экспрессия офицера начала немного поддёргивать.

А Волков не удержался – вскочил и начал вышагивать по капитанскому офису. Достаточно удобное, в плане простора, помещение неожиданно стало тесноватым для широкого и плечистого морпеха.

– Да как вы не понимаете! Только подумайте! На начало двадцатого века – мы сами со своими знаниями... судно, которое в техническом плане впору назвать суперсудном! Начинка и грузы на борту! Всё это бесценно и беспрецедентно! Да разведка и правительство любого государства душу дьяволу продадут, чтобы обладать всем тем, что мы несём в себе и с собой!

– Но нам, так или иначе, для идентификации даты, да и вообще узнать – не творится ли какая-нибудь чертовщина в мире, необходимо встретить и опросить аборигенов. Или следовать в район Мурманска, в порт.

– А чьи суда мы тут можем встретить? Из чужаков – норвежцев, англичан, американцев?

Чертёв, наблюдая за движениями подкачанного вояки, нашёл их немного забавными – эдакий крепыш-паровоз, пыhtящий до одного конца кабинета, затем почти со строевой грацией «кру-гом» и обратно. Остановить эту шагистику хотелось каким-нибудь «равняйсь-мирна», но вырвалось:

– Скажите, а какое у вас было прозвище в училище?

– А почему вы спрашиваете? – От неожиданности лейтенант замер и сразу же ответил: – «Волчок». И в школе тоже.

– По фамилии, – понимая, кивнул кэп и улыбнулся, – но и так похож – крутишься, как волчок.

– А у вас? – немного взъелся морпех.

– У меня тоже по фамилии, но не от «черта», а от «чёрт». Поначалу в школе дрался и нередко доставалось. Потом даже понравилось – «Чёрт» так «Чёрт».

Капитан на секунду замолчал, погружаясь в воспоминания. Затем всё же вернулся к прерванной теме, снова став серьёзным, уточнив:

– Что же касается... то есть мы по умолчанию будем отталкиваться от ситуации, что находимся в прошлом? Мы, по сути, говорим о царской России начала двадцатого века?

Старлей осторожно, но уверенно кивнул, соглашаясь:

– Так точно.

– Так вот, что касается встречи с судном... замечу, с любым судном, включая и российские – практически от любой посуды мы можем просто уйти, то бишь удрать, пользуясь преимуществами РЛС и скорости. Кто тут может быть? В основном поморы, русские и норвежские зверо- и рыболовы. Военные корабли – только российские из охраны и патрулирования охотничьих угодий. Эти – да, могут проявить к нам навязчивый интерес в специфике

своих противобраконьерских задач. А нам... нам вообще имеет смысл поднять американский флаг. Вот только не надо на меня так зыркать, будто я родину продал! Сами же говорили: «разведки мира... душу дьяволу... тыры-пыры»... А так – никакого внимания к России! Огромный, диковинный корабль с красной надстройкой – исключительно заокеанский.

– А зачем нам и от российских судов скрываться?

– Не скрываться, а... но опять же перефразируя вас – мы весьма лакомый кусок. Нас с таким же успехом могут взять в неприятный оборот не только просвещённые мореплаватели и их европейско-заокеанские коллеги, но и российские деятели. Среди которых немало далеко не патриотов, корыстолюбцев, продажных чинуш, да и просто дураков. А мне не улыбается идти в безоговорочное подчинение к подобным типом. Хочется сохранить, так сказать, творческую независимость. Так не лучше ли объявить, что мы русскоязычные выходцы из Америки, вознамерившиеся помочь альма-матер в плане промышленных разработок и технических новинок? Но на своих условиях, а не по прихоти недалёкого самодура, который сдуру, извините за тавтологию, прикажет забивать нашим «атомным микроскопом» гвозди. Вы понимаете, о чём я?

Старший лейтенант задумался, изображая на лице работу мысли и умозаключений. Поначалу на вид даже согласился, но потом до него дошло:

– Но ведь в таком случае мы не сможем выступить в роли...

– Кассандры?

– Ну, типа того. Если мы предстанем как просто технические новаторы, не обозначив, откуда мы и кто, нам никто не поверит. Не поверят в то, какие потрясения ждут страну... И ничего не изменить.

– Революция? Поддержать царскую власть?

– Да при чём здесь царь! Жертвы. Война. Да и чем лучше всякие «бронштейны» и прочие «швондеры».

– И то верно. Но это хорошо, что вы вне политики. Военные так и должны. Вот и я бы не хотел влезать в политические дебри, – капитан примолк, почёсывая подбородок. – Попытаться можно. Если осторожно. России вообще бы в «Антанту» не влезать...

– А если и влезет... – запальчиво встрял лейтенант, – согласен, что технически раскачать царскую Россию будет непросто и не быстро. Я мало что помню из Первой мировой, но был Брусиловский прорыв и окружение армии Самсонова, а у нас тут два десятка современных радиостанций – наладить взаимодействие армий, вломить немцам. Глядишь, и спокойней всё пройдёт с революциями и гражданскими смутами.

– Как у вас всё быстро, – остудил капитан и быстро согласился: – Хорошо. Завтра я дам команду подвахтенным – просмотреть электронные носители и печатную библиотеку, как по истории, так и всё, что есть в техническом плане. У нас там журнальчики ещё с советских времён, вплоть до «Техники – молодёжи». Ещё бы неплохо поднять личные дела членов экипажа на предмет, какими ещё профессиями и навыками они владеют. Хотя с этим, пожалуй, стоит подождать.

– Почему?

– А представьте, как глупо все эти меры будут выглядеть, если вдруг завтра всё вернётся к прежним... м-м-м, характеристикам? Поэтому прежде и непременно надо определиться, что вокруг нас – куда нас, сударь, к чёрту занесло, цитируя одну песенку.

Выработать общую стратегию. Однако приоритетным я считаю сохранить судно, знания, специалистов, людей для будущего страны. При любой власти. Не продажной, естественно. А в политику бы постарался не вмешиваться, никого не предупреждая, не советуя. Как бы хуже не наделать.

– Вы меня извините, Андрей Анатольевич. Вам с высоты ваших лет, конечно, видней. Но мой жизненный опыт учит, что не выложившись по полной, не получишь нужной отдачи. Полумеры и приведут к полурезультатам.

– Красиво. Примем к сведению и подумаем, – капитан, уже не скрываясь, позёвывал. – Однако, молодой человек, давайте закругляться. Мне с утра вести «Ямал» по не самым лёгким льдам, и надо выспаться.

Старший лейтенант хотел обсудить ещё несколько вопросов, но капитан встал из-за стола, всем видом давая понять, что вести беседу больше не намерен. Уже в коридоре морпех вдруг вспомнил:

– А откуда у вас американский флаг?

– Туристы. У нас кого только не бывало. Часто подарки оставляют. Вот какой-то америкос в прошлом году ещё ничего лучше не нашёл, как сделать полосатенький презент со звёздочками. Теперь пригодится.

* * *

Метку на экране РЛС могли бы принять за средних размеров айсберг, если бы спустя некоторое время наблюдений и расчёта не определили, что объект имеет угловое смещение. «Неизвестный» шёл примерно пятиузловым ходом, выдерживая курс на норд-норд-ост.

Через некоторое время точка на радаре стала сползать левее.

– Сменил курс, – доложил вторпом.

– Рассчитайте дистанцию, скорость, курс, расчётное время перехвата. Идём на сближение, – приказал Чертов, тихо позабавившись над своим «расчётное время перехвата»: «Прямо военная операция!»

Льды уже были «одногодки». Здоровенная туша «Ямала» словно не замечала этого полуметрового покрова, легко и уверенно перемалывая его на среднем ходу. Даже не вздрагивая. Как по воде.

Расчёт дистанции на РЛС сокращался равно скорости атомохода.

В рубку поднялся старший лейтенант (сам просил предупредить его, если случится что-нибудь неординарное). Негромко поздоровался, стоял, зевал с помятым лицом в сторонке, на удивление не задавая вопросов.

В рубке слышались лишь редкие комментарии вахтенного на рулях да мерный зуд работы агрегатов.

Чертов сам решил пояснить обстановку:

– Мы его зафиксировали с двадцати миль эрэлэской. На радиозапросы не отвечает. Думаю, через часок сможем поглядеть на него в бинокль.

– Час? Тогда я отлучусь. А то примчался, даже не умывшись.

Спустя тридцать минут морпех вернулся с собственным биноклем и нетерпеливо прищелкивал у остекления рубки, иногда замирая, настраиваясь на какую-то примеченную им подозрительную точку.

Таких «точек» там вдалеке было предостаточно – белое поле тянулось ещё несколько миль, затем дробилось фрагментами, отдельными айсбергами, между ними темнели полыньи, открытая вода, снова льдины. Сплошное не разбери чего...

– Рано ещё, – снисходительно притормозил его кэп, – судя по отражённому сигналу, там нечто небольшое. С этого расстояния ещё не разглядишь.

Видя, что лейтенант не оставил своих попыток, Чертов посоветовал ему «искать мачты».

– Может, вообще паруса?

– Вряд ли... при таком-то курсе и ветре. Кстати, хотел вас спросить! Вы вчера всё мировую войну поминали, а ведь мы можем аккурат в годы Русско-японской оказаться.

– Думал я об этом, – немного угрюмо ответил Волков, – если говорить о прогрессорстве, то время от предложения до воплощения в производстве и массовой эксплуатации любого

новшества... в общем, нам бы до Первой мировой успеть что-нибудь привнести. Куда уж там Русско-японская.

Чертóв бросил короткий ответный взгляд, хотел возразить и привести какой-нибудь пример.

Довелось ему как-то осилить пару книжечек по альтернативной истории именно про Русско-японскую войну. Чисто случайно – в долгой железнодорожной поездке на югá, подсушили непьющие соседи по купе.

У авторов там «попаданцы»... и так уж у них всё гладко да ладно – сущие приключения. Почему-то Чертóву было стыдно показать, что он вообще читал такую несерьёзную ерунду. Поэтому промолчал. Ко всему, посчитал, что рано «огород городить», покуда всё ещё так неопределённо.

Минут через двадцать настырность лейтенанта была вознаграждена, и он уверенно воскликнул:

– Вижу мачты!

Теперь ухватились за бинокли дружно, включая старпома, штурмана.

– Пока трудно что-либо сказать. Подойдём ближе. Нас-то они точно уже заметили, уж мы для них во всю свою красную красоту.

Вскоре намётанные глаза моряков примерно определили класс судна.

– Да это парусно-винтовая шхуна, не иначе.

– Так что?... – решил уточнить лейтенант, со значением взглянув на капитана.

– Старичок, судя по трубе. Так что скорее «да», чем «нет», – ответил таким же взглядом Чертóв, – но такие паровички, кстати, долго ходили. Подойдём ближе, прочитаем название, принадлежность.

– А мы уже под американским идём?

– Да.

– Интересно, что они подумают о надписи, которая у нас по всему борту крупными буквами?

– Ха, а я об этом и не подумал. Надо будет среди экипажа провести викторину, кто лучше придумает расшифровку. А то вдруг слово «атом» наведёт предков на разные умозаключения. Рано им ещё...

– И ещё, – гнул лейтенант, – они от «улыбки акулы», нарисованной в носу²⁷, не офигеют?

– Можно дувануть холодным пневмообмывом, – предложил штурман, – при такой забортной температуре корпус покроется коркой изморози и инея. Маскировка.

Капитан дважды кивнул, давая «добро». Сам – всё внимание на шхуну:

– По-моему, у него коммерческий флаг России. Я бы сказал – удача!

– Поднять «лиму»?²⁸ – голос подслушивающего старпома.

– Помягче, помягче с предками, – уже в полной уверенности попридержал капитан, – они и сами не прочь пообщаться.

* * *

Кабельтовы между судами отсчитывались последней десяткой. До этого идущий серьёзным ходом ледокол отработал реверс, резко сбавив, и теперь медленно накатывался, в этой неторопливости внушая ещё больше уважения своими размерами.

²⁷ В рамках одной гуманитарной программы «Ямал» возил детей разных стран мира на Северный полюс. Веселья ради кто-то предложил на носовой части нарисовать улыбающуюся акулю пасть. Рисунок прижился.

²⁸ Флажный морской международный сигнал «L», «Lima», требующий остановиться, с контекстом «у меня есть важное сообщение».

Снег, забившийся в отверстие клюзов, довершал рисунок зубатой пасти чуть прищуренными глазницами.

– Да хорош тебе креститься!

«Скуратов» давно уже едва вращал винтами, практически дрейфовал, чуть подрабатывая машинами для спрямления на контркурсе. На штурвале никаких усилий, рулевой таращился на приближавшегося громилу с оскалом, не в силах сдержаться, и капитан, почувствовав небольшое рысканье, услышав полушёпот «Святая Богородица», счёл нужным приструнить матроса.

– Несомненно «Ямал», – прекратил ранние домыслы Престин, – название судна вполне на своём месте. Почему именно «Ямал», а не какой-нибудь «Лонг-Айленд», не знаю. Как и о тех больших буквах по борту не берусь судить. Бог его знает, что там у американцев в головах.

– А вдруг он российский, козь буквы нашенские?

– Был бы он российским, был бы «Ямаль», не так ли?

– Посмотреть бы его внутри, – мечтательно протянул мичман.

– У нас нет повода его досматривать.

* * *

Два судна плавно сходились, прогудев друг другу в приветствии.

На одном пожирали глазами, с замершим и одновременно нетерпеливым любопытством.

На другом уже всё понимали, и закономерный интерес – повстречать и взглянуть на сто лет назад, портила навязчивая тревога: «А что дальше? Что их ждёт? С чем им придётся столкнуться, о чём, возможно, они не подозревают, при всей якобы осведомлённости о прошедшей эпохе?»

Жизнь и работа в Заполярье имеет далеко не тепличные условия и определённые сложности, что уже характеризует людей, выбравших профессии, подписавших контракты и просто погнавшихся за «длинным рублём».

Теперь же всё то, что осталось там, в «двухтысячных», казалось незначительной рутинной и лёгкой поступью.

То, что с ними произошло... этому нет аналогов, нет примеров, нельзя опереться на чей-то опыт.

Не считать же компетенцией brave похождения попаданцев из беллетристики альтернативок.

Ни один из авторов этих приключенческих опусов ни передать, ни даже представить не мог, какие ощущения и переживания испытываешь, оказавшись в такой ситуации... вдали от своего дома, семей, удобств жизни, привычек... самого времени, в конце концов.

А главное, понимаешь, что ты никто здесь и за тобой никого. Рубануло где-то там под основание – на чём ты стоял, на что опирался... и ты вроде целостный, умный, сильный, почти всезнающий... Но гложет, гложет такое неприятное ощущение шаткости...

Кто мы для сильных мира сего? Для царя, министра, генерала и даже обычного имперского чиновника, на худой конец?

Да, знания – сила. Да, ледокол – мощь. Но не будешь же скитаться во льдах вечно. Придётся идти на контакт, сотрудничество и, эх... как бы не в подданство.

Перешли на левое крыло мостика, потеснив старшего вахты.

– Надо ж, какие хитрованы! Шлюпку спускают. Хотят к нам – поглазеть.

– А и пусть, – с нервным смешком ответил Чертёв, – на своей территории сподручней. У них на шхуне и условия для долгой беседы, поди, не те. Спускайте трап и приготовьте к встрече кают-компанию. Только присмотри, чтобы не светить ничем таким, что может вогнать нынеш-

них современников в недоумение. Уберите или прикройте чем... Озадачь подвахтенных, но без праздношатающихся. И чтоб не болтали лишнего.

– Так это... – почесал затылок боцман, – может, тогда их в обеденный зал? В кают-компании столько всего накручено, не успеем.

– Хорошо.

Боцман шумно удалился выполнять распоряжения.

За спиной заворочался лейтенант, откашлялся, обращая на себя внимание. А сказал всего одно слово:

– Караул?

– Ну, что ж вы, товарищ старший лейтенант, – не удержался от снисходительности капитан, – бросьте вы с караульной-то службой своей. Название на борту прочитали? Это парусно-винтовая шхуна «Лейтенант Скуратов». Бывший «Белкан»... э-э-э, пардон – «Бакан». В начале девятисотых с неё сняли пушки.

– Сведения достоверны?

– Я очень дотошно изучал всё про исследования Арктики. Суда и корабли меня интересовали особенно.

– Всё же в целях безопасности...

– У вас есть личное оружие?

– Пистолет.

– Вот и возьмите. Только не выпячивайте. И наденьте что-нибудь без шевронов «Россия». Мы ж американцы, не забыли?

* * *

Шлюпка небольшая, всего в четыре весла – как и положено, слаженно взмахивали над водой, плеском шлёпаясь в воду, толкая судёнышко к цели.

– Поочумели господа офицеры, – удивился Чертёв и уже громче, не отнимая бинокля: – На улице минус грызёт, а они чуть ли не парадку напялили на встречу. В фуражечках. Помёрзнут же.

Вынесенное практически вровень обводам крыло мостика давало возможность смотреть под борт. Шлюпка мягко прибилась к железному трапу. С ледокола скинули концы. Один из офицеров махнул рукой, видимо, в команде «вёсла на вале», и матросы послушно задрали их вверх.

Чертёв поспешил к себе в каюту: «Представителей императорского флота надо встретить достойно, не в жилетке-безрукавке. Следует переодеться».

Форменный китель висел не надёванный с месяц, с последней экспедиции при толпе пассажиров. Снял с тремпеля, встряхнул, отстегнул дурацкий бейджик, который цеплялся в основном для журналистских делегаций и иностранных туристов.

Коротко окинул себя в зеркале и вышел.

* * *

Нависающий над шлюпкой чёрный борт ледокола терял свою радикальную идеальность, обнаружив местами потёки ржавчины. Но что примечательно – ни одной заклёпки!

– Сварной! Швы! – Подходили на вёслах ближе, и мичман обращал внимание уже на открывающиеся детали и мелочи. Но едва причалили и фалрепные²⁹ кинули им «концы», Престин шикнул, пресекая недостойные эмоциональные возгласы.

С борта их окрикнули на вполне русском, впрочем, не особо многословно.

Вбежали по трапу, следуя предложению быстрее оказаться в теплом помещении – ушей на морозе уже не чувствовали, и без стеснения стали их растирать ладонями, двигая за вестовым. Уже второй очередью подмечая добротную одежду местных матросов, трапы, коридоры – отделка без изысков, но и без всяких трубопроводов и проводов по потолку, больше смахивает на гостиничное убранство. Много света, чистота.

Привели их в весьма немаленький зал, что не удивляло, учитывая размеры самого судна. Помещение походило скорей на офицерскую кают-компанию, уставленную столиками и замысловатыми креслами. И пусть царской роскоши не наблюдалось, но всё так добротно, практично, необычно, если не сказать чуждо.

* * *

– Премного благодарен...

Первое, что услышал Чертёв, едва вступил в обеденный зал.

Витал запах кофе, гости расположились за столом. Напротив старпом, изображающий «хлеб-соль». Ему-то и предназначались слова признательности за угощение.

Увидев вошедшего капитана, офицеры встали, слегка выдвинувшись навстречу.

– Садитесь, садитесь, пейте кофе, отогревайтесь. А то вы прям не по погоде оделись, господа. – Чертёву почему-то хотелось оттянуть всю официальную часть, побеседовав и разведав обстановку в мире за чашкой-другой.

Он понимал, что начав с «капитан ледокола “Ямал” и бла-бла-бла», придётся двигать дальше версию американского происхождения, а без уточнения деталей современности можно было погореть на нестыковках.

Однако гости чеканно представились, вынуждая переходить к делу.

Протянул для рукопожатия руку и почувствовал, как дрогнула встречная кисть, когда он озвучил свою фамилию.

Стало немного смешно смотреть, как brave морской офицер пытается сохранить невозмутимость.

«Во как их перекосило! Демоническая пасть на носу судна и капитан – практически “чёрт”. А ведь у них царь-батюшка и вера православная почитай на первом месте, – мелькнуло в голове, – сколько ему? Лет сорок пять? Эти усы да бородки их изрядно старят. Сорок? Взрослый серьёзный мужчина, а туда же... Как он там назвал себя помимо командира шхуны? Штабс-капитан Корпуса флотских штурманов? Значит, должен понять».

Вслух же, изобразив полную благодетельность, произнёс:

– Уж поверьте, она у меня не от Антихриста! Чертёжная у меня фамилия! Предок мой начал службу во флоте «пилотом». Если помните, так раньше штурманов называли. А ещё «цифирниками»³⁰. А моему пра-пра-пра отдельное прозвище дали, поскольку, понятное дело, курсовые прокладки на штурманских картах чертил.

Сразу потеплело, в ответ кивнули, чуть дрогнув в улыбке, но терпеливо молчали в ожидании. Два флотских мундира царской России чернели на фоне скорей хайтековского дизайнера

²⁹ Фалрепный – матросы для встречи и проводов прибывающих на корабль.

³⁰ Одно время флотские офицеры («белая кость») штурманов называли «цифирниками», гнушаясь «подлым» недворянским цифирным делом (расчётом и прокладкой курса). В дальнейшем были приняты некоторые меры по смягчению дискриминации штурманской профессии. Тем не менее в царской России штурманы продолжают организационно принадлежать не к флоту, а к Корпусу флотских штурманов.

совершенно не маскаратно – гости вели себя абсолютно естественно и чинно, с оглядкой, конечно, на здоровое любопытство.

«Они живут с этим... это их типичное поведение, их настоящее, – умозрительно заметил Чертёв. А затем почему-то совсем невесело поскребло мыслью: – Если бы в голове крутились пресловутые шарики-ролики, сейчас бы наверняка щёлкнули, отмечая ещё одну зарубку, ещё один шаг на шкале приятия действительности – мы оказались там, где оказались. Н-нда! И ведь не в высоких званиях, не князья какие, а как дёржятся... по сторонам откровенно не глазят, хотя попятиться есть на что, несмотря на предпринятые меры. Один только ЖК в 63 дюйма, пусть и с мёртвым экраном должен рождать вопросы. А с другой стороны, мало ли. Не помню, “Чёрный квадрат” Малевич уже наваял?»

Пауза затягивалась, а Чертёв словно споткнулся в мыслях. «Ну, вот бывает так! Бывает! Вроде подготовишься, пусть и не отрепетируешь до идеала, но без наводящих вопросов не получается даже начать. Не стелется его “американская лапша на уши”. Не хватает некой логической плавности и последовательности. Насколько нелепо будет рубить с плеча, дескать, “здравствуйте, господа, мы из Америки, великие изобретатели и “капитаны Немо” на небывалом корабле, дети российских эмигрантов – по-русски говорим и пишем, но сами видите, не всегда понятно и немного безграмотно. И не то что не поверят (как ни крути, путешествие во времени принять ещё сложнее) – начинать такое дело с таких сомнительных пассажиров мелко и несерьёзно».

Просто ему представилось, как это будет звучать в интерьере обеденного зала, в общем взгляде на многотонный суперледокол, спокойными и простыми глазами предков – капитана и мичмана с парохода императорского флота. Которые вот они – тут и сейчас, лицезрят воочию и удивлённо.

«А в каком качестве это добредёт до столицы, до канцелярий, министерств, до адмиралтейства? Ну, приплыли какие-то из Америки. Предложили нечто инновационное. Ну, так пожалуйста в Петербург, господа хорошие. Подавайте прошение “на Высочайшее имя”. Показывайте свои технические чудеса. Оформляйте привилегии, патентацию. А мы рассмотрим их эдак через годик. Ах, не желаете показываться перед иностранными атташе-шпионами? Экие вы параноики. Ну, так и сидите там, зимуйте, ждите, когда создадим и отправим комиссию, годика через два-три. Вот и получается, что если не удивить, не ошарашить, не заставить шевелиться, то возможно, эта неповоротливая машина под названием Российская империя и не сдвинется. Вот же гадство! Вроде бы такой корректный и приемлемый план летит к чёртовой матери при первом же соприкосновении с действительностью. И то ли ещё будет... Что же делать?»

А подпнул его лейтенант, который тихо кашлянул, чем привлёк внимание.

Волков пришёл на встречу в цифре-камуфляже, как условились, без каких-либо знаков отличия. Однако военным от него несло за версту. Сидел за дальним столиком, вроде как ни при чём, но встретившись взглядом с Чертёвым, вот как будто читал мысли и видел замешательство капитана. И причину... понимающе прищурил глаз: «Что, Андрей Анатольевич, тяжела ноша?»

«Или это только показалось? И прав ведь был, что полумерами не отделаться. И штаб таки, мать-перемать, придётся организовывать. И парень наш, морпех-лейтенант, при любом раскладе в него должен будет войти».

Наконец решив для себя, обратился к старшему из гостей:

– А знаете, Константин Иванович... вы позволите так к вам обращаться? – И получив молчаливое согласие, продолжил: – В таком случае и я для вас Андрей Анатольевич. А то вижу, что «господин Чертёв» всё же режет ваш слух и язык. Не правда ли?

И хозяева, и гости сдержанно побряхтели в натянутых смешках, быстро взяли себя в руки, вернувшись к серьёзному виду.

– Разговор у нас скорей всего будет долгим. Поэтому не лучше ли приказать вашим матросам взойти на борт, в тёплое?

* * *

– Константин Иванович, – дождавшись, когда мичман в сопровождении начальника безопасности покинет помещение, медленно и тяжело начал Чертёв, – то, что я сейчас вам скажу (и расскажу), является самым большим секретом. На данный момент. И не только в России, но и в мире. Чем меньше людей будет знать об этом, тем больше шансов, что удастся использовать все преимущества от этой информации. Скажу более – лишняя болтовня, случайно оброненное слово – жене, друзьям, челяди – может привести к самым плачевным последствиям. Поэтому, если есть возможность оставить вашего помощника в неведении, лучше оставить.

Капитан атомохода сделал маленькую паузу, давая время гостю осмыслить услышанное.

К удивлению, тот не выказал никакого волнения и даже кинул вполне понимающий взгляд, мол, «продолжайте, я и сам вижу, что с вами что-то не так».

– Кстати, – продолжил Чертёв, – однозначно следует взять у всех членов экипажа вашей шхуны подписку о неразглашении. Не знаю, существуют ли сейчас подобные формы...

– Поручительство о сохранении тайны, – помог офицер императорского флота.

– Как-то так... – кивнул капитан, – чтобы ни словом не обмолвились о существовании ледокола под названием «Ямал». А вы... Коль вы теперь по случаю и необходимости оказались замешаны в этом деле, то через вас в первую очередь... вашей помощью и советом будем решать, как нам донести важные вести, наши технические новшества до самого верха, минуя ненужных посредников, лишних «ушей» и не дай бог иностранных агентов.

– Извините, – кашлянул Престин, – вы, как я понял, такой долгой прелюдией готовите меня к чему-то... кхм, страшному. Но что вы имеете в виду под «посредниками»? У меня есть прямое начальство по Морскому ведомству, которому я обязан доложиться. Единственное... ныне я имею позволение непосредственно известить главу Архангельской губернии. Это на сегодня мой самый большой «верх». Не берусь судить, на какой верфи построен сей мощный ледоход, но явно не в России. В таком случае непонятны ваши опасения по поводу иностранных разведок. Возможно ли сохранить в тайне подобный проект? Что касается моего старшего помощника, то это достойный человек, на которого я могу положиться во всём. А слухи о вашем появлении уже гуляют по Архангельску и всему побережью Мурман. Правда, всего лишь слухи. Признаюсь, у меня к вам накопилось масса вопросов. Почему у ледохода под американским флагом самоедское³¹ название «Ямал»³². Откуда вы такие – русскоговорящие? И ещё, но... но я, право, теряюсь...

– Ну что ж. Пришло время удивлять. Мы не просто русскоговорящие, мы русские. В большом смысле этого слова, несмотря на наличие в экипаже и бурята и татарина. И ледокол построен на русской земле. И несёт в себе столько технических совершенств, что знай о них разведки других стран, их правители предпочли бы уничтожить судно, вместе с командой, нежели оно досталось кому-то иному. Поэтому нельзя допустить, чтобы о нас пронюхали на «западе». Да и на «востоке» тоже. Война с Японией закончилась? Какой сейчас год, месяц?

Последние вопросы Чертёв задал совершенно неожиданно, без перехода, что Престин, не задумываясь, машинально ответил:

³¹ *Самоеды, самодийцы* – общее название коренных северных народов, проживающих в Архангельской губернии и Сибири. Название «самоеды» не имеет никакого отношения к людоедству.

³² Точное самоедское название полуострова Я-мал. Соединение слов Я (земля) и мал (конец).

– Одна тысяча девятьсот четвёртый, второе мая. Чтоо-о?! Изволите шутить-с?

Не подслушанный разговор

– Видал шхуну-паровичка? Какой чух-чух музейный... Мне, когда передали, что именно выдал наш «старик» на совещании после Земли Франца, честно говоря, думал, у него крыша поехала.

– Слухи и до этого ползли по ярусам – типа, что мы оказались в прошлом... Вот тебе и свидетельство.

– И чего думаешь?

– А то! Чё нам этот ледокол. Я так понял, наш Чёрт решил с Россией оставаться. А скоро революция. Гражданская война. Можно и под раздачу попасть. И дальше – Первая мировая, Вторая. Не будет покою и тепла в Европе. В Штаты подаваться надо. С нашими знаниями можно несказанно разбогатеть и жить вполне припеваючи.

– Конкретней. Какие знания? Политика? Предупредить Франца Фердинанда о Гаврииле Принципе? Да нас раньше за яйца подвешат с такими заявочками... Да и не поверят.

– Я о технике. Типа изобретение какое-нибудь запатентовать.

– Чтобы подать патентную заявку, тоже нужны деньги. И как вообще жить до того момента, пока раскрутимся? Начальный капитал однозначно нужен.

– Стянем чего-нибудь с судна. Продадим задорого. Представь, за сколько ноут уйдёт.

– Ты debil? Это технология, из-за которой нас, попади она в руки спецслужб, прикроют и не моргнут. А повторить её мы не сможем. Надо что-то попроще.

– Ну да. Маху дал. Надо подумать.

– Вот и подумай. Старпом уже суету развёл. Библиотеку пересматривают. Надо подмататься под это дело. Выудить себе рыбку лакомую. А вообще, чего тут думать. Мелочь на продажу наскребём – на хлеб-соль. А патентовать надо что-то попроще, что мы сами осилим, скопируем. Да чего там далеко ходить – ща всё клепают, сварка только в экспериментах, если не ошибаюсь. Я на сварщика когда-то бурсу на три с плюсом отходил, и поработать пришлось немало. Тема известна от и до! У нас в цеху даже есть вполне компактный аппарат – упрём его, и в катер. Главное, время и место подгадать, чтобы до Норвегии хватило.

– Мля-я-я... Хватятся, на вертоле догонят. Ещё и посекут с «калашей». Чёрт наш не простит ни за что. И морпех этот пассажиром – крутой парень.

– А мы спешить не будем. Рассчитаем, посчитаем, подготовимся, выгадаем момент, вертол стреножим, и тогда...

* * *

– Сто десять лет?! – Константин Иванович Престин только покачал головой, стараясь не смотреть на собеседника, посчитав, что тот немного не в себе. – Ваш корабль способен проходить не только через льды, но и через время?

– Это было какое-то природное явление, феномен – вдруг всё заволокло белым свечением, экипаж потерял сознание, судно шло неуправляемым! А когда мы очнулись, через несколько часов выяснили, что уже здесь. В девятисотых.

Капитан ледокола вовсе не пытался что-то доказывать и убеждать – говорил с такой печалью и задумчивостью, что почему-то хотелось ему верить. При упоминании о «белом свечении» вежливая улыбка Престина похолодела и моментально сползла с лица. Он немедленно вспомнил уже наблюдаемую им ранее аномалию, пришибленную команду норвежской шхуны и уходящий во льды красный силуэт.

Рука непроизвольно дёрнулась перекреститься. В благоговении. Потому что сотворить подобное под силу только Богу или дьяволу, а белый свет всегда ассоциировался с божественным проявлением.

И пусть Константин Иванович ещё не принял это поразительное физическое явление на веру, оно ещё не уложилось в голове, но он уже пробовал его на вкус своего разума, теперь иначе оценивая этот потрясающий ледокол, его тоннаж и мощь силовых установок. По-другому смотря на непривычную обстановку и предметы непонятного назначения.

– Сто десять лет! – повторил он чуть тише, но казалось, что эти «сто десять» теперь обрели весомость всех тех десятков лет, ещё не прожитых, но уже как бы случившихся, – сто десять лет смены дня и ночи, закатов и рассветов...

Вдруг нестерпимо захотелось расспросить, разузнать: «А что же будет, как дальше жить-то будем?»... И о себе захотелось, но тут же устыдился собственной гордыни: «Да кто я таков, чтобы обо мне помнили потомки».

Воображение прыгнуло амплитудой и снова упало в скепсис. Взяв себя в руки, отогнав волнующее наваждение и свою наивность, Константин Иванович как можно строже заявил, покачивая головой:

– Мне трудно принять ваши слова на веру. Крайне трудно. Извольте...

– Да, етит твою! Иные вопросы без бутылки крепкого не разрулить и не понять! Мне проще показать, чем сказать, чтобы вы поверили, – Чертов залпом выплеснул позабытый и остывший кофе. Отыскал взглядом буфетчика, который, подав напитки и булочки, «спрятался на стрёме» за стойкой раздачи, сделав ему знак, указал на телевизор: поставь чего-нибудь.

Висящий на стене здоровенный ЖК-экран был подсоединён к общесудовой телевизионной системе. Параллельно имел соединение с DVD-проигрывателем. С ним-то и стал возиться буфетчик, вогнав диск в приёмник, перебирая пульты, выводил содержимое на обозрение.

– Понятие синематограф вам, естественно, знакомо...

Престин не ответил, уже глядя на засветившийся экран, на быструю смену цветных букв и обозначений. Потом пошёл видеоролик.

Случайно ли! И откуда он взялся, но диск был пропагандистским фильмом о проходе эскадры Северного флота России арктическим морским путём. «Ямал» тогда тоже участвовал в проводке кораблей ВМФ через льды.

У Престина в буквальном смысле слова отвисла челюсть. Он даже не слышал, как вернулся мичман и его сопровождающий.

Чертов принял доклад у начальника службы безопасности «где и как разместили матросов с шхуны». Мичман же, забыв всё на свете, оторопел с открытым ртом, уставившись в открывшееся «окно» телевизора – в другую, невообразимую реальность.

А на экране, под бравые комментарии ведущего, сменялись кадры: узнаваемая красная надстройка ледокола с акульей улыбкой, очерченные серыми обводами боевые корабли, бредущие кильватерным караваном среди ледяного крошева.

Рисующий картографический штрих-пунктир пути из Баренца до моря Лаптевых. Винтокрылая тушка Ка-27, зависшая над палубой.

А затем флагманский крейсер феерически стал долбить ракетами, бомбомётами и артиллерийскими установками, и кто-то из гостей невольно охнул в восхищении.

И диктор высоким тоном всё напирает, гавкает: «Атомный крейсер, атомный флот...».

И бормочущий Чертов:

– Вот зараза, теперь вопросы задавать будут, что это такое – «атомный»?

И «подкрававшийся» сзади лейтенант-морпех:

– Да не парьтесь вы, придумаем чего-нибудь. Наричательное оно типа! По фамилии спонсора-изобретателя, например. Отбрехаемся! Главное не это!!!

– А что же? – Капитан овладел пультом, суча пальцем по кнопкам, колеблясь, поставить на паузу-стоп, или пусть предки продолжают офигевать от футуристического завала.

– Я сегодня всю ночь не спал. Читал.

– Похвально...

– Ну не надо... будет вам подкалывать. Я проглотил «Крейсера» Пикуля и начал «Цусиму» Прибоя...

– Оп-па! Из судовой библиотеки? И чего?

– Андрей Анатольевич, но вы же понимаете, что ледокол просто просится выполнить своё предназначение...

– Охренеть, какими вы словами заговорили – «предназначение»!

– Но это такой интересный шанс! Вы же сможете провести Вторую Тихоокеанскую эскадру Рождественского Северным морским путём?

Капитан откинулся в кресле, с интересом взглянув на лейтенанта, как бы оценивая.

– У меня тоже мелькнула подобная мысль. Но всю эскадру будет сложно, практически нереально.

– А всю и не надо, достаточно быстроходных крейсеров, – продолжал нащёптывать лейтенант. – Я, когда про рейды Владивостокского отряда читал, подумал, а если бы им радар, да они вообще бы такое вытворяли... И Камимуру щипали прям ночью... как со слепым игрались бы.

– Камимура... это японский адмирал, видимо? Запомню.

– Да.

– Ага. Но повторю – провести всю ораву, включая суда снабжения, нам будет крайне сложно. Если только пару-тройку кораблей. И-и-и... желательно броненосцев – у них поясная броня, им легче во льдах будет, – капитан взял лист бумаги и стал задумчиво черкать на нём бессмысленные линии – вероятно, ему так лучше думалось. – Вы просто не представляете, с какими трудностями сопряжён подобный поход. Организационно и исполнительно. Допустим, мы сможем заинтересовать российское адмиралтейство и царя (без его позволения такие решения, естественно, приниматься не будут). Так вот, какие корабли будут участвовать в походе? Какова их дальность плавания? Угольщики с собой тянуть придётся однозначно. Я когда-то читал, что эскадра Рождественского шла с постоянным угольным перегрузом. Но во льдах, возможно, это даже плюсом – ниже осадка, ниже винты и броневой пояс. В общем, надо считать, просчитывать, согласовывать... А радар с ледокола снимать я не стану. Категорически.

– А если на сам «Ямал» воткнуть орудие? А? И в рейд на коммуникации противника! В проектах наших ледоколов, насколько я знаю, были заложены мобилизационные потенциалы.

– Фы! Потенциалы! – передразнил капитан. – У нас всё что ни строилось – под войну было заточено. На «Арктику» орудия ставили, даже постреляли. На «Ямале» пушек отродясь не было. Однако фундамент под артиллерию на верхней палубе полуюта имеется. И один из радаров у нас как раз таки военного типа – система наведения, целеуказание, то-сё. Курсы теории в обязательку я прослушал, кстати. Зачёт сдал на «пять». Но всё это ерунда. Сам же говорил – ледокол для этого времени бесценный артефакт. Полностью с этим согласен, и рисковать им я ни в коем случае не стану. Ко всему спускаться к тропикам нам не рекомендуется – наш атомоход исключительно ледового класса, для холодных широт. Система охлаждения оптимальна до температуры забортной воды в десять градусов. Выше – будет падать мощность. Короче, перегреемся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.